

ВЛАДИМИР КАРПОВ

ТЕНЬ МУЖЧИНЫ

РОМАН

Хворый ребёнок острее тянется к родителю. Чувствует, где защита. Температура была невысокой, скорее, не из-за простуды, а коренной зуб — зуб мудрости — пробивался наружу. Селинка жалась к отцу, он приобнимал её, худышку: рёбрышки можно пересчитать. Забрал из садика и старших.

Шёл с дочерьми по двору, где на яйцах из пенопласта гнездилися резиновый аист.

— Папа, а когда раньше не было людей совсем, как они появились? — спросила Селинка.

Серый невольно стиснул плечо дочери: похожа она была на него, с носиком, который называют иногда “боксерским”, но мама говорила в ней, ой, мама! А почему мама? Павел Валерьевич, дед, тоже всю жизнь обмозговывал смысл бытия...

Отвечать было надо.

— Есть теория, по которой люди произошли от обезьян. Есть — прилетели с других планет. По Библии, Священной книге, людей создал Бог.

Две первые версии дочь оставила без внимания. Последняя вызвала новый вопрос:

— А откуда появился Бог?

Серый присел, так, чтобы с дочкой быть — глаза в глаза. Четыре года ребёнку! Ему тридцать четыре, а он никогда не задавался таким вопросом. И не помнит, чтобы кто-то вокруг задавался. Дочь смотрела в уверенности, что папа должен знать всё. Он поднял её на руки. Пёс Вулкан заскулил, заюлил хвостом на цепи. Полоса моря была видна вдаль.

— Бог был всегда, — ответил он.

Серый ждал, что сейчас дочь распотрошит его, выявит его полную несостоятельность, спросив, как это всегда? Всегда ничего не бывает! Всё откуда-нибудь появляется! Но Селинка смиловилась. Она всё-таки была не только мама, но и его дочь.

Эльсан всё смотрел в экран планшетника. Пустыня. Караван, верблюды, навьюченные поклажей. Копыта ступают тяжело, вдавливая спрессованный песок. На одном из верблюдов — женщина с закрытым лицом: большие очарованные глаза особенно красивы в прорезе нихаба.

“Самое сексуальное в женщине — это глаза”, — вспомнилась со стыдом кем-то высказанная мысль. Кто же это сказал?.. Как мусульманину ему было грех так думать, точнее, об этом думать. Но почему же, если это правда? Тогда какой смысл укутываться в покровы одежд, если остаётся на виду самое сексуальное? Только чисто функционально: песок, ветер...

Он уж не раз просматривал ролик и хорошо знал, чьи это глаза, но всё равно так и замер, словно желая перекатиться туда, в кадр. Он особо ждал этого момента: Лиза взяла из торбы, висящей у горба верблюда, обыкновенную пластиковую бутылку, приподняла закрывающую лицо ткань, сделала глоток. И снимавший оператор мастерски успел “подсмотреть” её губку, лодочкой скользнувшую по горлышку бутылки

Здесь же, с караваном, двигалась и машина с открытым верхом. Песочного цвета “крузак” с выхлопной трубой, возвышающейся над кабиной. Отъехала в сторону, остановилась. Пассажир на переднем сиденье — Эльсан знал его по имени — Юсуп приподнялся и, как капитан на корабле, стал смотреть в бинокль.

Палатка бедуинов. Рядом ещё одна, другая. Около каждого жилища стоял кувшин, чтобы пришельий путник первым делом мог утолить жажду.

Высыпали люди пчелиным роем, смуглые, в заношенных одеждах, женщины с платками, прикрывающими только рот и чуть нос — от пыли. Много детей — девочки, как и мальчики, с открытыми лицами, некоторые даже без платков. Дети тотчас облепили машину — настоящий “ленд круизер”! Появились и мужчины.

Верблюды обученно опустились на колени. Женщина, качнувшись в седле, легко спрыгнула с животного. “Корабли пустыни” легли, как шли, вереницей, поджав под себя ноги. Прихлынувший народ стал разгружать поклажу — муку в пачках, сахар, конфеты, печенье, пластиковые бутылки с лимонадом. Гуманитарная помощь! Дети набивали сладостями карманы, тотчас разворачивали фантики, жадно засовывали конфеты в рот, закусывая печеньем. Мальчик впереди всех, смуглый, раскудрявый, большеглазый, строил весёлые рожицы — то раздувал щёки, то угонял воздух по верхнюю губу так, что становился похожим на игрушечную собачку, то сводил глаза к переносице! Под навесом тесно жались друг к другу овцы, чтобы поместиться в пятнышке тени, и одну из них доила старуха с неприкрытым лицом. Гостье явно было в новинку, что овец доят, как коз.

Лиза подошла ближе: да, бабушка тянула поочередно соски крупной овцы, матки, и струйки били в посудину. Пожилая доярка подняла голову и улыбнулась. Ребятя была тут как тут — сопровождала, припрыгивая вокруг, девочка постарше взяла гостью за руку, потянула за собой. Под соседним навесом дымился очаг. Здесь, на плите с полусферической поверхностью, похожей на крышку казана, пеклась лепёшка. Тонкая, почти прозрачная. Лиза под покровом одежды заметно потянулась к хлебному духу, который явственно ощутил и наблюдавший за происходящим у экрана Эльсан. Пекарь, мужчина, раскатывал следующую лепёшку. Сначала так же разминал шарик теста, разравнивал его пальцами, раскатывал скалкой. А потом ритмичными движениями перебрасывал с руки на руку, делая из небольшого на вид клубка огромный, в размах рук блин.

Пекарь протянул гостье готовую лепёшку, и она, было, хотела отказаться, мол, куда такое хлебное полотно, отломить кусочек. Но попробовала её, хрустящую, и лепёшка уминалась, как чипсы. Подали и чай в пиале: здесь, в пустыне, всё казалось необыкновенно вкусным.

Взрослые всё подносили ящики с поклажей, закадровый текст сообщал о гуманитарной миссии, безвозмездно оказывающей помощь пастухам-бедуинам. Сюжет завершался кадрами счастливых детей и взрослых, которые с тем же детским восторгом радовались привезённым подаркам!

Эльсан остался здесь, по эту сторону экрана, в городе Феодосии, а душа и мысленный взор улетали туда, в загадочный край, откуда манила и слово звала эта женщина с привораживающими печальными глазами. Многое, что там происходило, Эльсан знал наверняка и без видеосюжета.

Тяжёлые ящики открыли. В них ровными рядами лежало оружие...

Почему так притягателен один только вид оружия? За ним — сила? Страх? Тайна?

Лизе нравилось оружие. Дети тотчас оказались рядом. Глазёнки горели! Взрослый бородатый бедуин в занюханной одежке взял в руки автомат и преобразился, положил палец на курок, мгновение — нажмёт, и он вершитель судеб!.. Лишь Юсуп держался в стороне. В белоснежной кандуре, которую он, несмотря на дорожные условия, менял по десять раз на дню, в куфии на голове, обтянутой золотистым жгутом, будто нимбом, он казался явленным богом!

Прирученный сокол расправлял перед ним свои крылья. Шейх племени объяснил Лизе, что это “синджари” — алтайский кречет, русская по происхождению птица! Шейх неплохо говорил по-русски, был полным, круглолицым, курносым, так что, если бы не смуглая, прожжённая солнцем кожа, его и самого можно было принять за русского. “Распространенье наше по планете особенно заметно вдалеке...” — прозвучали в голове бедуинским охрипшим голосом строки песни, хотя Лиза и не могла, а может, и не хотела вспомнить, кому они принадлежат, как ей противно было вспоминать всё, связанное с прошлым. Шейху же, наоборот, нравилось вспоминать, что когда-то он учился в России, давно, ещё при Советском Союзе, и любил там девушку Валу — глава бедуинского племени даже на некоторое время “завис”, уносясь в былые светлые времена.

Алтайский сокол с белой грудью будто носил образ, запечатлевший сибирские снега: сидел на подвижном насесте — варкире, — привязанный за обе лодыжки под жёлтым оперением кожаным шнуром, обшитым тесьмой. На голове, закрывая полностью глаза, был надет клобучок из кожи. Хищная птица ничего не видела и была спокойна. Шейх чуть подёрнул шнур, как бы стаскивая с насеста, и сокол явил себя во всей красе. Рядом мальчик лет десяти повторял его движения, и размах его рук был примерно таким же, как размах крыльев кречета.

Тем днём Юсуп так всё и ходил вокруг птицы-охотника, глаза его вспыхивали — как бывало с ним в ночи, когда он ласкал Лизу: вдруг приподнимал голову и подолгу смотрел на неё, казалось, освещая взглядом тьму. С наступившей ночью он долго лежал рядом, не касаясь, зная, всё видел сокола с распахнутыми крыльями перед собой.

— Куши его у них, — сказала она.

Он приподнялся на локте, и опять глаза его горели.

— Это арабы. Бедуины. Если я предложу купить, они подарят мне его. Откажутся от денег. А я не могу взять — это настоящий сокол-охотник, дикий. Понимаешь? Сейчас в соколиной охоте большинство пользуются выращенными на ферме. А это — рождённый в природе и прирученный сокол. Смесь крупного балобана и быстрого стремительного кречета! Ему цены нет! А для них — он просто добытчик!

— Тогда подари им что-нибудь взамен. Такое, чтобы они могли купить караван верблюдов!

Юсуп снял перстень с руки — заулыбался радостный, как младенец.

Здесь для омовения пользовались особым кувшином кумганом, и она свершила перед сном положенный обряд. И помолилась, держа раскрытые ладони к вечной дали. Ладони стали локаторами, Лиза ощущала проникновение тёплых волн. После дороги всё равно казалась себе нечистой (даже думала о том, почему здесь женщины за столом держат отдельно). Ей было стыдно и сладко, что Юсуп ласкал её так, как это делает кошка, вылизывая котят...

Её разбудил сизый, сочащийся сквозь сетчатый занавес входа в палатку свет. Там, в прошлой жизни, в мягкой кровати она порой часами не могла заснуть, здесь же, среди пустыни, когда с заходом солнца сразу становится прохладно, в бедуинской палатке, под тяжёлым шерстяным одеялом спалось сладко и крепко, и казалось, ночь длилась мгновение!

Она резко вскоčila, боясь, что пропустила время утренней молитвы: фаджра. Лизе так хотелось помолиться именно здесь, в пустыне, где небо, словно шатёр, опущенный ровно по кругу, без преград глазу, на равноудалённую линию горизонта. Пред брезжащим восходом.

Первое, что нужно для молитвы, это намерение. Но её и разбудил позыв! Неподальёку от палаток рядом стояли на коленях бедуины, а впереди них так же — шейх. Лиза ушла ещё дальше, подняла руки на уровне плеч. Ей напоминало это пионерский лагерь, где воспитатели перед едой проверяют у детей руки — чистые ли? Затем, как положено, уложила ладони у груди, правую на левую, чувствуя учатившееся биение сердца, словно рвущегося туда, где её обязательно услышат. Она касалась лбом пересохшей земли, произносила мысленно вязкие арабские слова, и в их непонятности, неопределённости (хотя и знала перевод), как в песне, каждый раз слышалось разное, своё.

Ждал готовый крепкий кофе, аромат которого перемежался с запахом всю ночь тлеющих угльев. Юсуп предвкушал долгожданный час — соколиную охоту! Он по обыкновению в белоснежных одеждах ехал рысью на белом коне. Следом, на вороном, вся в чёрном, скакала Лиза: Юсуп быстро выучил её выездке, и она держалась в седле уверенно. Рядом двигался охотничий джип, где между передним и задним сидением у ног шейха сидел в клубочке сокол.

Местность ближе к заливу становилось холмистой, перемежалась кустарниками артемии. В некоторых местах была болотистая трясына. Воздушные пары, поднимающиеся под лучами солнца из влажной почвы, порой застилали горизонт. Вновь следовали песчаные дюны. Гончие собаки, тощие и изогнутые, как утконосые чайники, выскивали след дичи. Пошли, вынюхивая, по травянистым зарослям.

Юсуп потянул на себя поводья, замедлил ход и автомобиль. На земле была отчётливо видна цепочка журавлиных следов! Шейх говорил, что потребуется месяц-полтора, чтобы хищная птица привыкла к новому хозяину. Но это было не для Юсупа, — глава бедуинов снял с когтистых лап птицы опутенки — колечки из кожи и сукна — и передал ему ловчую птицу. Юсуп, распорядитель охоты, верхом на коне, продолжил путь с соколом, высоко поднятом на мангалахе. Кречет был ещё в бурке.

Солнце поднималась — большое, во весь горизонт. Два вихляя — журавли, вихляющие на длинных ногах, — словно выпрыгнули из травы. Охотник снял с сокола бурку. Хищная птица “сослепу” развернулась в другую сторону, так что Юсупу пришлось потянуть узду, чтобы верно “нацелить” взгляд сокола.

Лизу умилила “мордашка” хищника: клюв на конце изгибался крючком, а под округлыми глазищами, у основания клюва, в выемках торчали две маленькие “антенки”.

Сильные быстрые журавли тем временем поднялись в воздух и ушли далеко, становясь плавающими точками. Лизе очень захотелось, чтобы они так и улетели. И Юсуп, словно услышав её желание, снова прикрыл глаза сокола буркой. Конечно, он сделал это не потому, что, как и она, пожалел журавлей или хотел угодить ей, просто вихляя были уже недосыгаемы.

Вдруг метрах в ста поднялся на длинных ногах ещё один журавль. Резко взлетел, словно вспышкой, мелькнув чёрно-белыми крыльями. Снова пришлось снимать бурку. Сокол мгновенно сфокусировал внимание и сорвался в погоню за вихляем.

Солнце поднималось быстро, будто громадный космический спутник. Слепило. Журавль и устремлённый за ним сокол то исчезали, словно утопая в лучах светила, то появлялись, будто вырезанные рисунки на золотом небосводе.

Юсуп надел солнцезащитные очки. И Лиза вспомнила, что её очки лежат в кожаной сумке, расшитой восточной вязью: они ей были без надобности — хиджаб спасал от палящих лучей кожу лица, а налобная полоска наводила тень на глаза. Но теперь, когда приходилось смотреть ввысь, прямо в солнечный диск, очки пригодились.

Она чуть улыбнулась, представив себя со стороны: человек-невидимка! Но человек-невидимка мог наблюдать картину во всех красках и красе!

Расстояние между двумя красивыми, стремительно пронзающими пространства птицами медленно сокращалось. Заметно меньший по размеру сокол гнался за крупным вихляем! На один взмах крыльев журавля приходилось два-три взмаха хищника.

В полёте сокола было упорство, уверенность, и сердце Лизы было на его стороне — он должен был взять верх, иначе несправедливо! Но вот она вглядывалась в слаженные движения журавля в небе, и хотелось, чтобы он подбавил в скорости и ушёл от погони. Иначе тоже несправедливо!

“Лучше синица в руках, чем журавль в небе”, — вспомнилась ей пословица. Нет, нет, журавль в небе лучше — потому что есть сокол, способный догнать журавля! И опять она была на стороне хищника! Да и выбора уже не оставалось — сокол настиг вихля!

Наступил миг, когда, казалось, неминуемо он должен схватить добычу. И в этот же миг журавль свершил какой-то невероятный акробатический кульбит и полетел в противоположную сторону! Сокол по инерции промчался дальше. Не столь резко развернулся и вновь стал планомерно нагонять вихля. Птицы словно разыгрывали сценарий, по которому сначала нужно было удалиться от людей на расстояние видимости человеческого глаза, а потом вернуться, чтобы “зрители” могли поближе рассмотреть действие и подольше наслаждаться спектаклем.

И вновь журавль повторил свой манёвр, когда хищник готов был упасть на него сверху. Сокол на этот развернулся ловчее, но догонять будто не торопился. Как бы решил взять измором. А может, просто требовалась передышка.

Юсуп сорвался с места и, поддёргивая тонконогую арабскую скакуна, поскакал вслед улетающим птицам.

Наездник мчался, отлично зная, что не только самый быстроногий конь, но маневренный японский джип в условиях бездорожья не сравнится со скоростью, которую набирает в воздухе птица-сокол! Однако в кармане у Юсупа был радиолокатор с пультом, благодаря которому охотник всегда мог обнаружить свою птицу-оружие и вернуть сигналами на место, где, согласно выработанным инстинктам, ждёт её корм. Дикие бедуины в этом вопросе были на уровне последних достижений!

Сердце наездника, кажется, простреливало пустыню. А воображение уносило в Арабские Эмираты, где каждый год проходят фестивали соколиной охоты! Победитель в минувшем году получил пятнадцать миллионов дирхам — это около четырёх миллионов долларов! Но деньги — тля! Он сам небедный человек, и призовой выигрыш отдаст для нужд великого дела, которому служит. Однако вынимала всю душу сладким счастьем мысль о самой победе! На празднике соколиной охоты соберутся самые уважаемые состоятельные арабы — эмиры и шейхи! И все они будут восторгаться соколом Юсупа, а соответственно, и самим Юсупом! Станут завидовать и предлагать за редкую птицу большие деньги! Окрас Сибири, который особо ценится на конкурсе в Эмиратах, — идеален! Охотничьи качества — упорство — великолепны! Такой сокол, может быть, был только у Чингисхана, до старости любившего соколиную охоту и почитавшего сокола своим спасителем: в юности, умирая от голода, Темучин поймал сокола. Но не пустил его в пищу, стерпел голод, приручил и сделал ловчей птицей. С той поры будущий “владыка мира” не знал голода!

Лиза, вся в чёрном, на вороном коне с белой звездой на лбу понеслась следом. Поехал и вождь бедуинов, стоя между сиденьями во весь рост: машину вёл водитель каравана. Юсуп на белом скакуне скрылся за гребнем дюны. Джип со стоящими во весь рост шейхом и его нуком, который успел оглянуться и помахать ей, женщине, скачущей на коне, также ушёл за полосу вершины. И точно по той же траектории высоко в небе сокол, который летел в стороне от вихля, чуть выше и как бы параллельно, вдруг резко сманеврировал и камнем упал на журавля. Спутанный бьющийся ком крыльев, выписывая, будто по горной дороге, виражи, стал медленно падать. Скрылся из виду за гребнем, куда ускакал Юсуп и умчался джип и где их теперь поджидала добыча!

Лиза, привстав в стременах, казалось, соколом летела вверх. Ей нравилась верховая езда, нравилась пустыня, на самом деле, полная живого мира. Нравились бедуины, охота, предвкушение добычи. Отдалённо, тускло мелькнула в сознании её былая жизнь на горе с мужем, его мамой, был ещё

и его отец, свекор, который умер, как ей думалось, от тоски. Но представилась только свекровь, на кухне, вечно у плиты. И вечно не выключаемый телевизор на той же кухне. Жизнь! Что-то смеялось в её груди. Дети... Она их родила, растила, но разве это её дети?..

Конь взлетел на вершину гребня дюны. Ей пришлось натянуть поводья, чтобы остановиться. Она ещё не поняла, что происходит. Показалось сначала, что разворачивается какое-то театральное действие. Бедуинское представление, разыгранное для неё!

Странные колесницы кружили по днищу котлована, созданному расходящимися волнами дюн. Колесницы, похожие на древнегреческие, на двух больших колесах. Только напряжены в них верблюды. Одногорбые — Юсуп говорил, что они самые быстрые. “Арабиан”, — называют их. На горбу каждого был устроен зенитный пулемёт. Из коляски, как выхлопные трубы, торчали дула миномётов. Правили повозками арабы в пёстрых платках с автоматами.

В прямом смысле вооружённые до зубов люди... Волна холода прокатилась по телу. Стало ясно, что действие вовсе не шуточное. Живая картина наложилась на кадры из фильмов, виденных в детстве, где так же, с гиканьем и свистом на повозках с пулемётами мчались на красноармейцев “махновцы”, — само собой вспомнилось название. Только там, в фильмах, красноармеец смотрел в окошко прицела и косил пулемётными очередями пьяных бандитов. Здесь, в бедуинских просторах, пьяными они быть не могли, но хорошенько обкуреными — могли!

Несколько повозок гнались за Юсупом, убегающим на коне. Как журавль в небе, он свершал те же маневры, круто разворачивался и скакал в обратную сторону. Более тяжёлые верблюды с повозками пронеслись дальше, но скоро снова гнались за всадником. Другая группка “махновцев” перекрывала путь джипу. Стоял стрёкот от стрельбы, хотя было заметно, что палят специально мимо — пули взрыхляли землю, наводя страх.

Сокол посредине рвал журавля, будто зная, что людская охота его не коснётся. Перья летели — круто поднимались в воздух и медленно опускались.

Джип резко остановился. Перед ним была повозка, и дуло пулемёта, установленного на горбу верблюда, смотрело прямо в лобовое стекло. Водитель выскочил из машины и бросился бежать, словно так, пешком, он мог спастись. Автоматные и пулемётные очереди изрешетили человека, ставшего в этот миг похожим на растерзанного журавля.

Шейх с внуком продолжали оставаться в машине. И это охраняло их: бандиты в чалмах берегли добро, которое принадлежало уже им.

Юсуп в очередной раз круто развернул коня, но путь отовсюду был отрезан: верблюжьи повозки взяли его в круг. Всадник красиво спрыгнул с коня, хлестнул его по ляжке — белогривый скакун, заржав, понёсся со сползшими поводьями. Юсуп в белоснежной кандуре горделиво осмотрел целящихся в него людей. Раздался хлопок. Лиза не сразу поняла, что это? Взметнулось облако взрыва. А следом, в рассеявшейся дымке, тихо, плавно, похожее на большую каплю, стало подниматься хорошо видимое облачко... Совсем, как на видео с шахидами, души которых перемещались в райские пределы. Она верила и прежде, что всё так и есть. Но сейчас всё существо её возликовало! Не прав Павел Валерьевич, говоря об искусстве киномонтажа, которое, может, где-то в их порочном сплошь “смантированном” ложном мире и применимо, но не здесь, где смерть ценнее жизни! Вот же оно, вот — зримое облачко поднялось и исчезло, но не растворилось, а словно закатилось за невидимый небесный занавес.

Она как-то совсем потеряла из виду джип, а когда вновь обратила внимание — машина, полная арабских “махновцев”, гонялась за шейхом: наедет почти на пятки, затормозит, глава бедуинов вновь наутёк. Будто в силах убежать!

А двенадцатилетний его внук, будущий шейх, — возле сокола, сполна насытившегося мясом и кровью. Спеленал птицу в положенную бурку, усел на руку, одетую в перчатку.

Лизу удивило, что никто не гонится за ней, а позволяют смотреть на всё сверху. Созерцать. Она чуть дёрнула поводья, направила коня спокойным шагом к тому месту, откуда взнеслась душа Юсуна. И только теперь заметила, что во всём этом мечущемся, кружащем мире есть ещё один человек, за всем наблюдающий. Только не сторонне, а именно этот человек и руководит, казалось, с виду беспорядочным движением.

Человек так же, как и все “анархисты”, располагался на верблюжьей повозке. Только богато украшенной, без миномётов и пулемёта на горбу инера. Без сомнения, это была женщина в чёрном нихабе. Она сделала жест, чтобы шейха оставили в покое. Тот поднялся и стал кланяться женщине с автоматом на колеснице. Также жестом она показала мальчику, чтобы тот принёс ей сокола. И шейх закричал, замахал руками, поторапливая внука. Внук шейха постоял несколько мгновений в растерянности, вдруг сдёрнул бурку с головы птицы и подкинул её вверх. Балобан круто, чуть не вертикально, быстро, широко и резко взмахивая крыльями, стал подниматься ввысь, словно понимал, что отныне не надо ему исполнять волю человека — он свободен!

Лиза ждала, что улетающую птицу сейчас прошьют пули. Но люди на земле глядели вверх, и никто не хватался за оружие. В тишине, когда взгляды были устремлены в небо, прострелотала автоматная очередь. Женщина на колеснице стояла с автоматом, из дула которого шёл дымок. Тело мальчика лежало на земле, растерзанное пулями.

— Что ты наделала? — как-то на удивление смиренно проговорил шейх по-русски с акцентом.

— На всё воля Аллаха! — ответила женщина тоже с акцентом по-русски.

И посмотрела на Лизу. Лиза ждала, что сейчас и её прошьют пули. Была спокойна — этого хотелось! И душа её облачком поднимется в лучшие миры вслед за душой Юсуна. Туда, где её давно заждался Идрис.

— Русская? — спросила “атаманша”.

— Я мусульманка. — Лиза дала понять, что национальность для неё не имеет значения: только вера!

— Вижу.

Шейх стоял перед телом мальчика на коленях, рыдал. Лиза следовала на коне за колесницей атаманши. Пульт с управлением для подачи сигнала соколу валялся на песке. Она не стала поднимать его, чтобы не обращать чьё-то внимание.

Сокол в небе был уже невидим.

Джамаат пустыни пировал. Не было водки, брызг шампанского, но большая скатерть, застеленная на земле, полна баранины, кус-куса, фруктов и всевозможных сладостей: не только “чак-чак”, но и обыкновенные печенья с конфетами. Всё это привезли скупщики, которым сдали белого породистого скакуна Юсуна и ещё разную утварь, награбленную прежде.

Бойцы выстроились в ряд, и только теперь Лиза поняла, что все они — женщины. Ряд статных рослых “амазонок” в чёрных накидках с прорезью для глаз — химарах. Вокруг ни одного мужчины, и за трапезой женщины открыли лица, чтобы есть свободно. Какими же красавицами они все оказались! Что Лизу поразило: были среди них и светловолосые европейки, и негритянки, и то ли японки, то ли китайки... Предводительница перехватила её взгляд, усмехнулась:

— Думаешь, амазонки?

Лиза поразилась: как же она была хороша!

Пожала плечами, мол, не знаю, что и думать.

— Или лесбиянки? — Восточная красавица закатилась смехом: резким, трескучим. Автоматная очередь!

Лиза виновато заулыбалась: что-то подобное у неё в голове проскочило!

— Всё это клише порочного мира. Мы — жёны Амира, слуги истинного Ислама!

— Зачем ты убила Юсуна? Он был в Исламе!..

— ...с гуманитарной миссией НАТО, — подхватила её слова “старшая жена”. И вновь рассмеялась. Уже не трескуче. Заливисто. Воительницы откликнулись дружным зловецким хохотом.

И ели, уминали пищу, как мужики.

— Зачем ты не убила меня?

— Ты приехала, чтобы умереть?

— Я готова. Если угодно Аллаху.

— Или угодно мне.

— Я должна вступить в твой отряд?

— Мы не отряд. Мы — гарем, если по-вашему. Зачем мне соперница?

— А эти? — Лиза кивнула на воительниц.

Не было спиртного, но был кальян. Женщины делали длинные затяжки, выпускали в сладости дым.

— Ты — русская. Все восточные мужчины любят русских женщин!

— Мать у меня украинка.

Предводительница вскинула голову, мол, тем более:

— Хо-хо! Украинки похотливые.

Предводительница протянула ей мундштук, припахивающий вином. Лиза затынулась — она помнила, что пророк Мухаммед запретил пить зелье, но курить травы было можно. В чашу иногда вместо воды наливали лёгкое вино, и табачный дым обогащался винными парами. Это было очень приятно! Юсуп говорил, что это можно — ты же не пьёшь, не касаешься губами, а лишь — вдыхаешь. Суры этого не запрещают!

— Я тебя продам.

— Я мусульманка, — напомнила Лиза. — Мусульманок не продают.

Продают только езидок...

— Откуда ты знаешь про езидок? — взгляд атаманши заострился.

— Юсуп говорил.

— Их продавать можно?

— Юсуп говорил, можно.

— Торговец женщинами! — Разбойница усмехнулась, затынулась глубоко из мундштука, легла навзничь, глядя ввысь. — Больше никого не продаст.

Лиза не стала спорить. Но спросила:

— Зачем ты убила мальчика?

— А зачем ему жить? Убивать? Насиловать? А так — он прямиком в рай.

— Ты хорошо говоришь по-русски.

— Я родилась в СССР.

Среди ночи воительницы вздумали купаться. Большое озеро располагалось рядом. От воды поднимался густой пар. Пахло вином. Женщины скинули долгополые одежды... и Лиза увидела, что все они были — гермафродиты! Сверху красовались округлые женские груди, а внизу, там, где всегда это и бывает, мужское хозяйство с лохматой растительностью. У некоторых из существ на голове из-под длинных волос торчали рожки!

Стадо кинулось в озеро, спугнув стаю спящих вихляев. Журавли среди ночи, в водных парах, стали подниматься в небо.

Над водной гладью существа снова становились похожими на женщин, если бы не рога у иных из них... Предводительница потянула её в озеро — и как же быть? Тоже раздеться, но ведь она-то женщина, настоящая... А вдруг и она тоже стала, вдруг и у неё?!..

Лиза открыла глаза: небо было ясным, стоял белый день. Она лежала в движущейся арбе. Что же это, ночью ей всё приснилось... Одна колесница приостановилась, существо, не оставляя автомата, сбежало с неё, присело рядом, у кустика... Лиза специально проследила: да, как женщина. Отлегло от сердца. Значит, кальян с винным паром, не будет она его больше курить...

А как же её станут продавать? Ей представился постамент, такой, какой ставили для праздничных концертов в Феодосии на площади у вокзала,

рядом с каменным Лениным. Их, которых продают, посадят на него в рядок, а покупатели встанут перед сценой. Будет называться цена, как на аукционе. Представился почему-то Идрис, который, возвышаясь над другими, произнесёт: “Я больше!” Фантазии, конечно, но... Выходит, так надо.

— Вставай, иди. — Предводительница смотрела сверху, сидя на её вороном коне.

Она была с непокрытой головой. Чёрные волосы распались по плечам, в необыкновенно красивом лице проступала азиатчина: заострённые скулы, чёткие треугольники глаз и губы... Словно припухшие, тянущиеся к поцелую! Подобные губы сейчас модницы делают себе искусственно, но это сразу видно, они как бы с чужого лица. А эти — капризные и своенравные, с чётким окоёмом — не подделаешь!

— Куда? — Полонянка Лиза не понимала, в чём подвох.

— Куда хочешь. Коня я тебе не отдам. Знаешь, почему Иисус приехал в Назарет на ишаке? Потому что за хорошего коня на Востоке убивают. Возьмёшь осла.

— Ты пожалела меня?!

— Я себя не жалею, а тебя бы стала жалеть!

Она вновь трескуче рассмеялась, запрокинув голову с пышной гривой волос. Вдруг посмотрела прямо и строго:

— Я — ездка. Когда-то я была советской школьницей, носила белые бантики и ходила в музыкальную школу. В нашем классе учились армяне, грузины, азербайджанцы, русские. И мы, езиды, хотя все нас называли курдами. Наши родители ходили друг к другу в гости и вместе носили флаги на первомайской демонстрации. Потом Советского Союза не стало, и выяснилось, что всё было ложью, притворством. Армяне стали воевать с азербайджанцами, грузины с осетинами, а курдов изгоняли все! Мы были езидами, и наша семья сбежала под Мосул, где жили наши дальние родственники. Мы жили, и всё было хорошо, хотя я уже не носила банты и не играла на фортепиано. Мы пасли скот. Молились нашему Богу. Пришли джихадисты, убили мужчин, мальчиков. Девочек старше двенадцати насиловали и продавали своим бородатым моджахедам.

В гневе она выпячивала губы так, что казалось, будто мужчина склоняется к ней с поцелуем!

— Женщин, имеющих маленьких дочерей, сделали наложницами. Я была наложницей, меня продавали вместе с дочерьми. Моя сестра покончила с собой. Она покончила с собой, и я поняла, что мы растим дочерей, чтобы их пользовали, как скот! Мы убили Амира. Он был таким скотом, что его жёны присоединились к нам. Здесь есть и мусульманки, — повела она рукой, — и, как ты, христианки, принявшие Ислам...

— Как же ты там... — Лиза указала большим пальцем за спину. — С мальчиком... “На всё воля Аллаха”?

— Так они говорили, убивая нас. Иди. Настанет час, ты сама захочешь ко мне. И тогда я верну твоего коня!

Мужчина, оттуда, с небес, всё-таки склонился к ней... Громовержец! Хлынул ливень! Лизе говорили, что зимой здесь бывают затяжные дожди, но в сирийской пустыне она видела дождь впервые.

Дождь закончился, едва она отъехала не более километра. Значит, громовержец приходил только к той женщине, со страждущими губами.

В городе первый же патруль остановил женщину, едущую на осле, удивляясь, откуда она такая, промокшая. По пути она увидела на площади связанных тонкой цепью женщин. Шли торги. “Езидки”, — поняла Лиза. Язычники — хуже собак, говорил Юсуп. Потому и на цепи. Да и как иначе, если они в детей стреляют.

В полицейском участке нашёлся человек, умеющий говорить по-русски. Его звали Хабиб.

Зажужжал мобильник — звонил из Москвы заказчик, с которым был подписан договор о строительстве коттеджа на Черноморской набережной.

— Сергей Павлович?.. Пока все работы прекращаем!

— Как прекращаем? Мы уже площадку расчистили...

— Заморозим. До лучших времён. Сами понимаете, ситуация непростая. Скорее всего, договор придётся расторгнуть. Форс-мажор, сами понимаете...

Серый промолчал: ничего он не понимал. Какой форс-мажор? Хотя, конечно, у него-то форс-мажор полный...

Не успел мобильник опустить в карман, снова звонок. Опять от заказчика. И так чего-то во всем теле похолодало...

— Прекращаем работы!

— Да мы уже крышу вывели? Отделка осталась!

— Какой смысл мне деньги выбрасывать?! Эта же ваша новая власть, они же всё “национализировать” в свой карман! Если что-то изменится, достроим! Но, боюсь, всё это всерьёз и надолго! И ты бы оттуда рвал когти! Бандеровцы житья не дадут!

— При чём здесь бандеровцы?

— Ты что, телевизор не смотришь? Ситуации не понимаешь?

Это было правдой: у него свой “телевизор” в голове.

Сергей смотрел телевизор. Сидя на полу у кровати, с бутылкой рядом. Так оно легче: налил, выпил. Посидел. На экране разворачивалось что-то будто из чуждого сна: в Киеве, на майдане, пылало пожарище — кидали “коктейли Молотова”. Шла стрельба. Диктор сообщал, что президент Украины покинул свою резиденцию, сбежал, где находится, неизвестно.

Серый переключил канал: здесь шла речь об отмене конкретно в Крыму русского языка как государственного. В школах также запрет на русский. Он даже руку с бокалом протянул к экрану: а как, мол, говорить-то, здесь много не знают?

У него почти все договора по строительству, планируемое расширение были связаны только с российскими заказчиками. Двое уже отказались, а при таком положении вещей кто из здравомыслящих людей будет продолжать сотрудничать? И не только из России, из Украины тоже. Отовсюду. А эти, как Марк Самуилович говорит, “великие укры”, придя к власти, ещё и посадят, как какого-нибудь “агента Кремля”! Или определят в холопы, как представителя низшей расы!

Всё летело в тартарары. Налил — выпил. Ещё налил — до краёв. Хорошо, однако! Алкоголики-то не зря все весёлые! Живут себе на помойках — и весело! Дети... Бежать надо! Брать детей, мать и... Он зажимал лицо руками. Всё бросать?! Дом... Дело?! Столько лет труда и жизни! Может, и права Лиза с её этими “идрисами” — рвануть всю эту кутерьму, глядишь, новая трава народится — чистый луг?!

Как-то незаметно он переселился в отцовскую “биндюгу”. Шкафчик открыл — и бутылки, и банки, всё зелье высшей пробы! Мастер был Павел Валерьевич на все руки — такого мужика, считай, из жизни выкинули! Зигзаг истории!

Долго ли, коротко ли просидел он в “биндюге” — день-другой ли, тысячелетие?

— Есть иди! — заглядывала мама. — Ты в отца-то не превращайся...

А как в него было не превратиться? У Павла Валерьевича здесь был устроен свой мир! В компе отдельная папка называлась “Лиза”. Любил он её, что ли? Ну, по-своему, понятно.

Серый попивал, неторопливо, с наслаждением. Мягкость по телу разливалась: всё же то в работе, то в нервах. А по экрану шла жизнь Лизы: та, которую он хорошо знал, и та, которая сейчас ему казалась невероятной. Вот свадьба, у Вечного огня, вот на руках вносит красу невесту в дом... Ребёнок, первенец... А вот вся троица: Виктория, Алёна, Селинка! И мама над ними, всех обняла, сама заботливость...

Лиза с автоматом. Стреляет. Сильная отдача в плечо, но она этого не замечает — счастлива! Провожает вооружённого, обвешанного патронташами мужчину. Оба в повязках — одни глаза. Её глаза не спутаешь...

— Эй, ты! — запрокидывал он голову, обращаясь к тому, кто выше. — Кто ты? Бог, Аллах, Саваоф? — говорил, и делалось нехорошо в груди:

неправедно же так, запанибрата, а как правильно, и кто там заведует душой Лизы или его душой — не знал! — Если ни один волос... без Твоего ведома, так что же творишь-то? Зачем спутал её? Она же девочка. Просто маленькая девочка, которая не наигралась. Зачем Тебе это? В наказание? Кому? Ну, не ей же. Мне? Мне — может быть... Хорошо, что есть водка. Точнее — чача. Батя позаботился, предвидел, что понадобится сыночку...

Мобильник заверещал.

— Приходи! — кричал в трубке Олег. — Мы тут крест охраняем!

— Какой крест?

— На въезде, по дороге на Владиславовку!

Ну да, Олег со своими казаками его и ставил, крест.

— Татары, или, может, кто под них шарит, вчера снесли его! Мы заново поставили, дежури!

— Понятно. Хорошее дело, — одобрил Серый равнодушно. — Спасибо, в другой раз.

Стал отключать связь: часы на мониторе показывали четыре ноль-ноль часа! Приоткрыл дверь биндюжки — ночь!

— Ты чего среди ночи звонишь? — набрал он номер Олега.

— Так, говорю же, крест охраняем. Мы тут стоим, костёр жжём, а видно прямо, под луной, как метрах в ста — тени такие, ждут, как волки...

— Поня-атно, — протянул опять Серый.

Теперь мало показалось отключить, он снял с аппарата заднюю крышку, извлёк батарейку. Такой всё казалось чепухой, какой занимаются люди! Ну, крест, ну, полумесяц — поубивают друг дружку, с кем вчера ещё за одним столом сидели!..

Накатил! Хорошо-о! Всё, спать. Вроде, прикорнул. Марк Самуилович?! Сон ли? Явь ли?

— Дело в том, что юридически существует только Советский Союз! Разве народ союзной республики Украина голосовал за выход из состава СССР? Разве кто-то голосовал за выход РСФСР?

Иногда казалось, что бывший редактор совсем сумасшедший. Иногда — совсем нормальный. И именно тогда, когда он, кажется, всё-таки чудился!

— Народ проголосовал за сохранение Союза! — продолжал трезво мыслящий Марк Самуилович. — И это единственно легитимное право!

Серый достал второй стакан. Налил. Худенькая маленькая рука соседа ловко подхватила посудину, и жидкость перелилась в его рот. Сергей для убедительности поднял стакан, посмотрел — пуст! Значит, Самуилович был натуральным!

— Это, как если бы твоя правая рука полагала, что имеет суверенное право на действия, независимые от левой. — Самуилович взял стакан из руки Сергея. — И что самое характерное, независимое от головы!

Головин понял действия ночного гостя по-своему — снова налил ему. И сосед хлопнул единым махом, причмокнув вислой губой. Как у верблюда!

— Если честно, — задумался хозяин, удерживая свой стакан на весу, — у меня сейчас, кажется, всё по раздельности... Руки, ноги, с головой вообще — вопрос?

— Именно поэтому от тебя сбежала красавица жена! — победно смотрел Марк Самуилович.

Ему, конечно, совсем не хотелось устать брошенного мужа — просто он привычно развивал логическую цепь и нашёл, вне сомнения, точный логический аргумент.

Сергей так и не успел выпить, сидел, огорошенный, со стаканом руке, как у порога появилась заботливая мама.

— Да растуды ж вашу! — схватила она охваченного потоком мыслей Самуиловича за шиворот. — Одного с ума свёл! За второго принялся! Морда жидовская!

— А-а! А-а! — провопил, как подраненный, старый еврей. — Я... Я как к родной! Ду швайн!

— А-а! А-а! — трясла хозяйка соседа, словно верёвочного человечка: — Вон он где прорезался! Сионист!

— Я коммунист с тысяча девятьсот... — Самуилович винтообразно прошил воздух пальцем.

И совершенно обмяк, видно, поражённый эпохальностью своего партийного прошлого. Губа его тряслась, зубы стучали. А глаза стали большими, безумными, вопиющими.

— ...семнадцатого года, — жалостливым тоном завершила его мысль Евдокия Семёновна.

Самуилович всхлипнул. А хозяйка просто зарыдала. Припали друг к другу.

— Марк, Маркушка, — молила Евдокия Семёновна. — Прости! С языка само... Я ведь тоже, как к родному!

— Вы простите меня... Мозолю всю жизнь добрым людям глаза этой мордой своей...

— Морда как морда. У меня не лучше...

Так они и пошли: невысокая крепкая расторопная мама и сосед на прогибающихся ногах.

Можно было и выпить спокойно.

Проснулся от холода — дверь-то он так и оставил приоткрытой. Утро стояло смачное, зовущее! Голова, понятно, была словно волдырь — ну, да эта проблема разрешима. Потянулся за банкой — пустая. За другой — капли на доньшке. Это неужели он так постарался? Ничего себе! Или мама тихо всё вынесла? Вылить она не могла, перелила.

Серый стоял на пороге кухни, сам чувствовал: несёт от него, хоть закусывай!

— Что ты творишь-то, сынок? — сказала мама. — Дети не нужны, работу забросил!..

— Нет больше никакой работы. Где?

— Что “где”?

— Чача, вино! Головища! — потряс он этим предметом в доказательство.

— Так вылакал всё! Как сам-то живой! Вслед за братом хочешь, с крыльца упасть!

— Отец же говорил, он с лестницы!

— Ну, с лестницы!.. Серёжа! — мать жалостно заплакала.

Это было и вовсе несносно. Нащупал деньги в кармане, пошёл, бросив через плечо:

— Ладно, мам, всё нормально.

Серый вышел к рынку. Флаги кругом — прямо вдоль улицы флаги! Да флаги-то всё российские! Да что же такое-то?! Теперь уж точно не различить — явь ли, сон? Не иначе, горячка! Зашёл в магазин “Новый Свет”, взял бутылку коньяку, откупорил прямо на входе, глотнул, голова прояснилась. Флаги не исчезли, да еще и БТР с бело-сине-красным флагом объявился — стоял возле “Укртелекома” в окружении народа с флагами в руках, не мешая движению. Солдатики в российской форме пожимали тянущиеся к ним руки, всё жило странным счастьем и торжеством.

Сергей оглянулся на звук открывающегося шампанского: “чпок!”. Девушки — молодые женщины — разливали пенящийся напиток по бумажным стаканчикам!

— А чё такое-то? — спросил Серый.

— В смысле? — очень удивилась девушка с шампанским в руке.

— Почему российские флаги?

Вся компания просто грохнула смехом. Так, что до слёз, и никак не унять.

— Ты-ы-ы, отку-у-уда, та-акой, — вздрагивала смешками девушка. — С луны свалился?

— Хуже, — ответил Сергей, тоже смеясь. — Из запоя.

Девчонки раскатились пуще прежнего.

— Ну, и крепко же ты!

— Крепко! — давно он так не хохотал!

— Так Россия мы теперь!

— Как это, Россия? — Сергею опять показалось, что он не вполне проснулся.

— Что, не нравится? Дорога открыта, езжай! — указала вдаль всё та же девушка. Была она рослой, бойкой, и рука простиралась широко. Как объятье.

— Крым — снова Россия. Как с Екатерининских времён!

Сергей ещё немного постоял, переваривая новость, и такой же свет грянул в конце тоннеля, или пещеры, или катакомб, в которых он пребывал в последнее время!

Никогда он в жизни не делал резких движений — не по его нраву, — но теперь неожиданно для себя сгрёб девушек в охапку и так уж закатился смехом, что на лицах девушек выразилось изумление на иной лад: лица удлинились и даже как бы изогнулись, как в выпуклом зеркале.

Девушки понесли стаканчики с вином и коньяком людям, которых скоро станут звать “вежливыми”, но военные, действительно, очень вежливо улыбались и отказывались. Крепкие, сдержанные, внимательные, они одним видом внушали спокойствие и веру в будущее.

Вернувшись домой, первым делом собрал мобильник. Сразу же запищали одно за другим сообщения — ха-ха! — были звонки от одного клиента, другого! Как изменчив мир и люди в нём!

— Да! — уже на звонок третьему отвечал Сергей Павлович Головин, директор строительной фирмы.

— Возобновляй работы!

— А не торопитесь? Мало ли, ситуация ещё не устоялась... — Сергей наслаждался возможностью быть в положении убеждаемого человека.

— Разворачивай строительство, всё будет путём! Никуда “ситуация” от нас не денется! Раскупоривай!

— Да я уж тут нараскупоривал...

— Я имею в виду — работу!

Сказать, что жизнь входила в свою колею, — нельзя, колея у жизни была иной. А было так, как если после разбитой просёлочной колеи выскочить в хорошем автомобиле на бетонку. Иные возможности! Только поддавай газку и выруливай... Вовремя притормаживая!

Сергей Павлович Головин уходил в работу, которая, словно встречный поток воздуха при открытых окнах машины, “выветривала” все прежние тяготы. И Лиза, все эти интернет-проповедники — всё отдалилось, увиделось нелепым и будто не с ним произошедшим. Вроде бы “устаканилось”. Жизнь в мире шла такой, что нет-нет, да и возвращала к своей ирреальности бытия. Он невольно задерживался перед телеэкраном, всматривался в лица шахидок, свершивших теракт, — а не его ли эта бывшая жена участвовала в том, что они называют “джихад”?

И словно сорвавшаяся сверло по сердцу — с выщербленкой.

И спасительно вспоминал ту девушку, которая вывела его из запоя, из сдвинутой реальности: Сергею так и виделся её широкий размах руки, благодушное курносое лицо уверенного человека. Чего же он не спросил ни номер телефона, ни имя?! Знает же правило: ничего нельзя откладывать, всё надо делать сразу. Особенно, если дело касается женщины. Это ж как рыба — упустил, даже если держал в руках, и она уже не твой улов!..

Сергей привёз детей в садик. Повёл по тротуару за ручки.

— Папа, опять эта маленькая машина, — протянула Селина. — Она нисколько не подросла...

Он помнил, что из этого “Смарта” то ли немолодая мама, то ли молодая бабушка выводила девочку примерно возраста его средней дочери. Машина была для Феодосии заметной — Сергей её при этом на улицах встречал не часто.

На этот раз с места водителя вышла девушка со стрижкой до плеч и вдрут знакомым размашистым движением руки распахнула заднюю дверцу, выпуская ребёнка. Сергей остановился, замер на месте. Хотел, было, поздороваться, признав в ней ту, повстречавшуюся у магазина “Новый Свет”, где неподалёку стоял БТР с трёхцветным флагом. Но девушка скользнула по нему

взглядом, как по пустому месту, и направилась с девочкой в садик. Сергей, только что повторявший закон “не медли”, лишь проводил её взглядом, который не ускользнул от глаз дочерей.

Торопливо развёл девчонок по группам и быстрее обратно, надеясь теперь уж не медлить точно. “А почему это кругом российские флаги?” — собрался он повторить свой вопрос, насмешивший тогда женскую компанию.

Но — не медли! Не медли никогда! — Ни машины, ни девушки! Точнее, молодой женщины — девочка с ней была просто “литё”, видно, дочь. Одно отрадно — машину он знает, дочь в том же садике... И если прежде её привозила бабушка и никогда папа, то...

Сергей Павлович начинал превращаться совсем в “белого человека”: если раньше он считал, что лучшее место для подписания договора подряда — строительная площадка, квартира, — непосредственно объект работы, то теперь у него появился офис. Просторная комната возле рынка — на бойком месте. Правда, сам он всё больше мотался по стройкам, приём вёл Олег Оратор! Не хочешь, да заключишь договор подряда!

— Здесь у меня красивая девушка, — звонил Олежек, — спрашивает, где можно недорого купить сотки три земли, хочет построить домик! Вот какие девушки пошли — домики строят! Она, понимаешь, из дальнего зарубежья вернулась...

Почему-то всегда о тех, кто жил за границей — в “цивилизованном мире”, — говорят с подобострастием. И в то же время обязательно с иронией, усмешкой. О девушках особенно: мол, знамо, чем они там, голубушки, промышляют! Хе-хе-хе...

— Я сказал, что на мысе Ильи есть маленький участок. С видом.

Серый понимал, о чём речь: на высоком берегу он для себя некогда присматривал два небольших продающихся участка: шесть и четыре сотки. Взять оба — получится один приличный. Построить там дом. Ну, теперь всё это было неактуально. Жены нет — нет и смысла новое гнездо заводить. И мать одну не оставишь.

— Так поезжай с ней, покажешь. Узнай только, может, его уже продали. Объясни: мы же землёй не занимаемся. Мы только строим. Ну, там, с оформлением как-то поможем.

Головин осматривал готовый, только что построенный для клиента коттедж — трёхэтажный, с тремя рядами балконов. Тысяча триста квадратов. Дворец! Красив, но зачем такие людям нужны?! Если гостиницу здесь устроить — другое дело! А для себя — и содержать, и отапливать, — тащить всю жизнь такой дворец, как улитка раковину?! Себе бы он построил дом с мезонином, по названию рассказа — у какого ж классика-то?! Ну, хозяин — барин!

Спускался по ухабам Корабельного переулка, “Нива” Олега навстречу. А за ней — так и “не выросший” “Смарт”! То ли машина, то ли крытый мотороллер.

Головин кивнул Олегу, дескать, я за вами, и пристроился “в хвост”.

Они втроём — двое мужчин и молодая женщина — стояли на высоком обрывистом берегу почти необжитой Двукорной бухты. И плоть моря, густо-синяя, с чёткой линией горизонта, разделяющего море с безоблачным прозрачным небом, простиралась перед ними.

— Я тебя... Вас за бомжа приняла. А ты... Вы — президент компании!

— Директор.

— Ну, вы хоть настоящая строительная компания? А то я тут читала, где-то на Дальнем Востоке компания по ремонту подлодок была, а у них на балансе — только молоток и плоскогубцы!

Молодая женщина опять широко, захватывая Дальний Восток, поводи-ла рукой и открыто смеялась, заставляя о себе подумать: “Зубастая, одна ж!”

— Да, я тоже читал, — смеялся и Олег, туда же, в неизъяснимую даль, указывая рукой, — только через их счета проходили миллиарды! Придёт, плоскогубцами винтик подкрутит — миллион в кармане! Молотком ещё сверху шлёпнет — тут и миллиард упал!

— С подлодками у нас напряжёнка. Бульдозер вас устроит? — Серый чуть улыбался.

Так они побалагурили, и молодая заказчица объяснила, что бы она хотела построить.

Дом с мезонином.

Давно с таким лёгким чувством Сергей не возвращался домой. А может, и не возвращался никогда. В первые годы семейной жизни с Лизой он не ходил — летал! Так хотелось всё сделать, устроить на уровне, как у людей, как в кино! Чтобы Лизе нравилось, чтобы она была с ним счастлива! Всё — для неё! А сам внутри — будто солдат на плацу! Изо дня в день. И сам не заметил, как стал уставать. Сдавать. Интерес ко всему пропал, а работа стала спасением.

Вошёл во двор — дед какой-то копал огород. Не дед, пожилой мужчина. Возле пруда с утками играла девочка — чужая. Поглядела — в глазах робость.

— Ой, сынок, — сбегала с крыльца мама, — я беженцев приняла. Из Донецка. Извини, что с тобой не посоветовалась! Ты же не против будешь? Их тут в пионерском лагере поселили временно. А нас на казачьем круге попросили: у кого возможность есть, приоттите!

— На каком казачьем?

— Ты живёшь, ничего не видишь! Я же в хоре казачьем стала петь! В Доме офицеров! Нас всех к казачьему кругу приписали!

Сына позабавило, что вот теперь и мама уже “казак”! Каким-то новым всеобщим маразмом пахнуло, ну, да, может, он сам ущербный: “не врубаётся” в общественную жизнь.

— Ты как? — мама заглядывала в глаза.

— Чего “как”?

— Не против, что они у нас поживут?

— Так привела уже! Я что им скажу, уходите?!

— А ты хочешь, чтобы они ушли?

— Mam? О чём речь?! — Сергей ещё раз посмотрел на деда, старательно распрямляющего виноградные лозы, на девочку, теперь ему послушно помогающую. — Правильно, что привела.

Мама счастливо всплакнула.

Для Евдокии Семёновны началось время, когда она, в прошлом начальник конструкторского отдела, снова могла руководить! Новый жилец слушался её беспрекословно, кидался исполнять приказания — по огороду, по хозяйству. Оно и понятно — зависимый человек. Но, казалось, таким он, Пётр Николаевич — дядя Петя — был и по душе, исполнительным.

— Здесь надо вскопать! Завязки подвязать! В унитазах подтекают! — раздавались её команды.

И если бы она приказала постирать, помыть посуду — Пётр Николаевич кинулся бы со всех ног. Оля, внучка дяди Пети, так же, в отличие от его детей, была послушной и трудолюбивой.

В Донецке Оля потеряла маму. Дело было так: семья их выращивала овощи, продавала на рынке. Сложили в машину собранные огурцы, сели сами. Мама вдруг вспомнила, что забыла кошелек с мелочью, для сдачи. Побежала в дом. Вдруг просвистел снаряд, раздался взрыв, и из окна дома вылетело пламя. Бабушка у неё скончалась давно, теперь не стало мамы. Папа уехал в Ростов, чтобы зарабатывать деньги. А они с дедушкой отправились в Крым.

— Да, поди, ни в какой не в Ростов, — полушёпотом говорила Евдокия Семёновна сыну, — а воюет! Жену убили, шутка ли сказать... Что, отец бы в Ростов поехал, если бы меня убили?! Или ты бы, если бы твою жену... — Мать осеклась, поняв, что пример с женой сына не подходит.

Серый пожал плечами: лично он-то точно поехал бы деньги зарабатывать. Отомстишь, не отомстишь — ребёнка этим не вырастишь!

“Отец из Ростова” часто звонил Оле: девочка отвечала тихо, односложно:

— Всё хорошо. Сыта. Не обижают.

Звонил и деду — отцу покойной жены.

— Всё хорошо, — отвечал и тот. — Деньги получил. Куплю...

Сергей посматривал не без ревности на жильца-беженца: конечно, ни в какое сравнение с породистым, образованным и умным Павлом Валерьевичем простоватый дядя Петя не годился. Но для воплощения не выраженной жизненной концепции Евдокии Семёновны — лучше некуда! Главное, Серому становилось спокойнее за неё, снимался груз ответственности!

Интересы директора строительной компании Сергея Павловича Головина теперь лежали на маленьком треугольном “пяточке”, расположившемся на краю высокого обрывистого берега мыса Ильи. Ну, не то, чтобы все дела побоку, только о строительстве на участке девушки — молодой женщины на жёлтом “Смарте” — заботился особо. Всё шло своим чередом. Но добровольная опека легла на плечи — всё-таки мать-одиночка, моталась где-то по заграницам, чтобы бабушка тут с ребёнком были обеспечены.

Тихонько так, никому ничего не говоря, участок соседний из шести соток он прикупил. Построит бабёнка дом, а рядом тоже кто-то строится: контролировать-то оба строительства всё равно он будет, а уж потом объявится как сосед! Интерес такой появился, драматургический, можно сказать.

Показывал он Арише — так она представилась, Ариша, — проект домика с мезонином прямо на её участке, чтобы всё наглядно. Из этих окон — он поводит рукой на манер полководца — вид на Двухкорную бухту. Из противоположных — на Феодосийский залив! Заказчик и подрядчик вместе, с ватманом, ходили по отмеренному пока камнями треугольнику земли, рисовали дом и обзор вокруг руками, как два дирижёра, каждый из которых подхватывал музыку другого.

— Везёт же некоторым! — вдруг посмотрела Ариша прямо.

— В смысле?

— Жене твоей с мужиком повезло!

Сергей усмехнулся:

— Да, видно, не шибко! Сбежала от меня жена!

— Не может быть! — Она смерила его взглядом, как бы говоря, что ведь и собой удался!

— Сбежала...

— С другим?

— Да не то, чтобы... Люди расскажут.

— А сам не хочешь?

— Не хочу.

— Дети есть?

— Дочь.

Он как-то то ли постеснялся, то ли побоялся сказать, что их трое, дочерей.

— Скучаешь по ней?

— Страшно! Не знаю, как до вечера дожить! — Он помолчал, снова усмехнулся: — А вечером заберу из садика, как они ко мне... в смысле, она ко мне кинется!

— Дочка с тобой?

— Со мной и бабушкой.

— Как это?! Она оставила ребёнка?!

Он махнул, мол, да ну его, этот разговор. Поглядел в даль морскую.

— Красивое ты место выбрала, красивое!

Они спустились вниз по узкой тропинке на крутом склоне. На обрывистых местах, когда приходилось ступать с камня на камень, прыгивать, он брал её за руку. А потом уж так и пошли, друг за дружкой, не выпуская рук.

Полоска пологого берега была узкой, каменистой, с неожиданными зияющими песчаными выбоинами.

— Искупаемся?

— Плавок нет... — замедлился он.

— Кажется, понимаю, почему жена могла сбежать... Кто нас тут видит?..

Она легко скинула с себя платье, в одно движение стянула трусики — и в воду! Он ещё помедлил — как-то неудобно было так вдруг сразу обнажаться. Он же ведь не женщина, которая ножку подняла, и ничего не видно.

У него же... Но рыбу из рук выпускать нельзя! Руки сами спешно скинули одежду, и он прыгнул в воду, стараясь не задеть животом крупных остроконечных, покрытых мелкими водорослями скользких камней на дне...

Он помнил, как Лиза сказала ему, что никогда с ним не испытывала оргазма. Он не поверил ей, считал, что она просто хотела его уесть. Теперь понял: и он в каком-то смысле не испытывал. По существу, он всегда старался для неё, угождал, берёг. А она оставалась недосягаемой. Не от мира сего!

Ариша сразу стену эту между мужчиной и женщиной разбила вдребезги. Она рвалась к нему, забирала — она была счастлива с ним! И если он прежде не понимал и осуждал мужчин, которые могли заниматься любовью с женщиной где попало, — в машине, за деревом, — то теперь и сам не знал удержу: да хоть на помойке, с любящей женщиной во всём и везде чистота!

С рассветом, когда город ещё спал, — там, внизу, хорошо обозреваемом с мыса Ильи, только загорались редкие огоньки, — набросал проект дома на своём участке. Учитывая расположение строения, которое будет по соседству. Получалось — тесно! Он даже плечами пожал и кивнул невидимому оппоненту — дома в перспективе наезжали один на другой! Окна дома Ариши теряли в обзоре. Можно, конечно, ему свой дом возвести в нижней точке участка, но тогда у него терялся обзор.

Сергей всю эту картину нарисовал Арише, ничего не сообщая о принадлежности соседского участка.

— А ты не знаешь, кто здесь будет строиться?

— Ну, почему не знаю. Знаю.

— А строить будешь ты?

— Моя бригада.

— А нельзя договориться, чтобы он, хозяин этот, хотя бы вот посреди своего участка дом строил?

— Посреди нет. Посреди он не согласен. У него такое предложение, — Сергей набросал эскиз дома, выросшего на меже.

Ариша посмотрела на план, потом на строителя, снова на план, пожал плечами.

— Построить один дом, включая общую планируемую площадь! — Сергей теперь уже обеими руками возвёл воздушный замок. Получится просто сказка!

— Дом на два хода? С соседями за стеной? Спасибо, я в коммуналке жила!

— Зачем на два — на один. С детскими. С общей гостиной. И что самое смелое в этом решении — с общей спальней!

Теперь она долго смотрела на него.

— Это твой участок?!

— Наш.

Она налетела на него с шуточными, но весьма ощутимыми ударами. Он хохотал, обхватил её, прижал с силой к себе.

— Раздавишь... Что ты голову морочил? Мог бы сразу сказать...

— Сразу я сам не знал. Я уж потом, после тебя, решил на этот серьёзный шаг...

Ариша вновь продолжительно посмотрела на него. До влаги в глазах.

— Только это... Детских надо делать две.

— Чтобы твоя и моя отдельно жили, что ли?

— Нет. По двое в каждой. У меня не одна, а три дочери. На четверых детей.

Она рассмеялась, откинув голову.

— Чего ж ты врал?!

— Это от застенчивости.

Ариша снова рассмеялась.

— Нет, не на четверых. А на пятерых детей.

— У тебя двое?!

— Если мы одна семья — у нас должен быть общий ребёнок. Это моё условие.

— Пока только условие?

— Тебя оно пугает?

— Меня трудно напугать!

Она протянула ему продолговатый лоскутик бумаги с двумя тянущимися вдоль полосками.

— У нас будет маленький.

Жизнь сама организовала выбор.

Сергей познакомил Аришу с мамой. Привёл её вместе с дочкой. Туча девочек: трое — его, одна — Аришина и донецкая Оля — носились по двору, пробегали в дом, на второй этаж, стуча по ступенькам, как табун подкованных лошадей, снова ульем вылетали на улицу, а то рассыпались подиночке, играя в прятки или догонялки. Счастья — океан!

— Переходи ко мне, — предлагал Сергей.

— Куда это к тебе? — уточняла Ариша.

— Сюда. В этот дом.

— Тогда это не к тебе, а к твоей маме.

— Дом-то этот, в общем-то, я строил.

— Вместе с родителями.

— Вместе.

— Мы с таким же успехом можем пойти жить к моей маме.

Аришину маму Сергей помнил: осанистая, молодящаяся, горделивая. Красивая ещё женщина совсем другого типа, чем дочь. С холодком вокруг. Любопытно, что был ещё и отчим, о котором Ариша, приглашая к маме, даже не упомянула. Все жили в двухкомнатной.

— То есть я с тремя детьми к твоей маме... и папе? Вот они рады-то будут! — Сергею казалось, что он шутит.

— Это, — окинула Ариша дом взглядом, — родительское гнездо! Жили бы вы отдельно, может, и Лиза бы не сбежала, будь она хоть трижды неземная!

— Ты не хочешь, потому что я жил здесь с другой женщиной?

— Ну, и поэтому тоже. Пока дом не построим, будем жить раздельно. Заодно и проверим свои чувства.

— Да чего же их проверять? — Сергей указал обеими руками на её живот.

— Я со своей-то мамой жить не могу!

На том и порешили: дело оставалось за малым — построить дом!

Дом, по современным меркам, небольшой: три детских комнаты, родительская спальня и просторная гостиная — она же кухня! Кухня-студия, как модно называть. Дальше — можно расстраиваться, конечно, и зимний сад будет, и баня, и хозблоки. Строить решил из ракушечника: зимой — тепло, летом — прохладно. Дышится легко! Природный материал! Нужно только арматурой меж этажей переложить и стены облицевать в полкирпича!

Своих ребят подвизывать не стал. Как раз приехала бригада таджиков — в Москве их на любых работах полно, но в Крыму эти были первыми ласточками. Работники среди азиатских гастарбайтеров разные — большинство хватаются за любое дело, лишь бы заработать, но неумелые. Хотя попадаются и специалисты высокого класса. Серого в этом вопросе провести трудно, дал слой кладки проложить — в бригаде профессионалы не все, но были. Им и кладка из крупноразмерного кирпича близка — они же у себя частные дома в основном из самана подобных габаритов строят!

В выходные и сам с ними работал! Строители-таджики удивлялись — только успевай подносить, клал слой за слоем, как автомат! “Кирпичиукладчик”, — называл его Фарик, бригадир нанятых строителей. Как большинство южан, были они трудны на раскачку: пока поднимутся с утра, пока чай попьют... Но руководство взяла на себя Ариша — и они у неё, как солдаты!

А когда начались отделочные работы, Сергей подъезжает — нет строителей! Дети растров месяц, Ариша правилом работает: “Да я пока с ними работала, насмотрелась. Думаю, что я, хуже таджиков? Как тебе?”

Оставалось развести руками в удивлении: сделано было всё идеально!

— Ты не забывай только, что беременна!

— А! — махнула она.

И побежала, ступая через две ступеньки, по лестнице вверх, раскидывая длинные ноги, как большой лягушонок.

А ночи они проводили порознь.

Он вернулся домой: мама и дядя Петя рядышком смотрели телевизор. Понятно: живому надо живое. И всё же удивительно: проживает человек вместе с другим чуть не целую жизнь, не раз говорит ему, что любит и даже не может без него жить, но вот его нет, и будто и не было. Новое счастье! Только виноватая оглядка да лёгкое поёрзывание, пока сын глядит в спину.

— Опять теракт! — заговорила мама. — Две молодые женщины себя подорвали около полиции. Я уж испугалась... Потом их показали. Нерусские.

На экране повторялись кадры спасения людей из перевернутого, горящего автобуса.

— И что? — обернулся и дядя Петя. — Она так прямо в ИГИЛ и ушла?

— Да ни в какой не в ИГИЛ! Просто мусульманство приняла!

Дядя Петя в согласии неторопливо покивал, мол, да, это бывает, просто.

Но вот же подлость душевная: зашёл к себе и — в компьютер. Как там знакомые экстремисты поживают?

Всё те же чёрные силуэты с автоматами в руках, бородатые лица, женские глаза в прорезях сплошных покровов, и опять автоматы, бронезилеты, разрушенные кварталы... Непостижимо, что туда могло потянуть утончённую, изысканную Лизу? Жива ли?..

Боевики неслись на “ленд круизере” с открытым верхом. Страшные, в чёрном, с поднятыми, направленными в небо дулами оружия. Водитель обращал на себя внимание: он был не просто в белом — в белоснежном нихабе, закрывающем лицо, и только сквозь узкую прорезь смотрели глаза... просто небесные провалы синева!

Такие не спутаешь! Серый аж взмок от внезапной догадки! Ролик мог быть старым, снятым до того, как этот Идрис... ушёл “небесною тропой”... Нет! В углу экрана, как по заказу, обозначилась дата — трёхдневной давности!

Развёл он её, Лизу, за здорово живёшь! Сидит себе, весь в белом, и даже без оружия, в отличие от других. Коснись какой-нибудь новый “Нюрнбергский процесс”, он и ни при чём — нанятый водитель! Грудь сдавило, и ожог такой внутри: разорвал бы гада! Самому впору за автомат...

Вдохнул глубже носом, выдохнул медленно, сделав рот трубочкой. Опять достал отцовскую шпаргалку с интернет-адресами. Щёлк-щёлк мышкой — здорово ночевали!

— Я знал, что ты меня будешь искать, — лучились с экрана глаза Идриса, — и найдёшь!

— Почему ты жив? Ты же убит!

— Мученики не умирают.

— Хватит пи... — почти вырвался мат, но Сергею тотчас вспомнился Насмешник, матерящийся с экрана, и он не захотел ему уподобляться. — Мозги полоскать! Ты ей мог заморочить голову, красавчик, а мне не надо.

— Ты подсел на тему. Тебе никуда не деться. Ты придёшь к нам. И тогда мы подумаем, отдать ли тебе твою бывшую жену.

— Что с ней?

— Так тебе всё и расскажи. Ха-ха-ха, — рассмеялся человек-глаза.

— Тебя как хоть по-настоящему-то зовут.

— Моё имя легион.

— Ну, всё ясно. Скользкий, как...

Идрис вдруг откатился назад — оказывается, он сидел в инвалидном кресле-коляске. Скинул покрывало с ног — обнажились металлические протезы с выпуклыми шарнирами коленей.

— Это тебя успокоит?

— Я уже ничему не верю! Опять подделка!

Идрис поднялся, теперь было очевидно, что он стоит на протезах.

— Звали меня когда-то Митей. Дмитрием Валерьевичем Головиным.

Сергей долго молчал. Сиделся понять. Всматривался.

— Мой брат погиб.

— Так и я погиб. И, заметь, не один раз!

— Он погиб на глазах у отца — пробил лоб на лестнице.

— Отец был коммунистом. Он говорил то, что должен был говорить.

Разве он мог сказать, что его сын предал родину?!

— А ты предал?

— Я её спасал. Я её спасаю.

— Всё треп, ни единому слову... Пстой, я же помню, ты рассказывал Лизе, что ты из Подмосковья, что отец твой был сталеваром и что он покончил с собой. Оставил записку, что лёг на рельсы...

— И это правда. Я был и тем сыном, отца которого убили новые реформаторы.

— Всё вранье! Кто ты?!

— Зачем это тебе?

Глаза Идриса затеплились в улыбке. Залучились. Он отключил связь.

Сергей с силой трижды ударил кулаком по полу, на котором сидел. Решительно поднялся. Спустился на кухню.

— Mam, где у нас альбом со старыми фотографиями?

— Зачем тебе?

— “Зачем”, “зачем”, посмотреть хочу, “зачем”!

— Там, где вы с Лизой? Свадебные?

— Да нет! Старые, детские, где вы ещё молодые. С братом Митей.

Евдокия Семёновна с крайней настороженностью принесла, протянула сыну альбом. Они все, старые фото, тормозили его внимание. Господи, какая жизнь позади! Очень много было фотографий отца: с ружьём, со спиннингом. С тайменем почти в человеческий рост — отец легко держал громадную рыбину одной рукой! С молодой женой Евдокией, которую звал “Черёмушкой”. С маленьким сыном, первенцем... Вот Митя — школьник. Чуб треугольный, какие тогда носили. Похож на этого — ну, как похож? Волосы светлые, черты правильные.

Серый торопливо перелистнул страницы, до того места, где были армейские фото Дмитрия. Похож — потому что прямоносый, прямобровый. И не похож — простоватый, простодушный. Такие наркоманами и становятся! Фотографии были сплошь чёрно-белыми, любительскими. Вопрос оставался — в глазах?

— Mam, а какие у Мити глаза были?

— Голубые. Как ясное небо!

— Небесные?! — задохнулся от восклицания Сергей.

Схватил мать за руку. Потянул за собой наверх. “Листал” в компьютере только что посещённые сайты. От Идриса не было и следа! Вспомнил про новостные кадры, с боевиками на “крузаке”. Кадр наплывал на закутанное лицо водителя, остались одни глаза — небесные проёмы!

— Узнаешь?! Его глаза?!

— Чьи? — посмотрела с оторопью мать.

— Сына твоего, старшего?!

— Да Господь с тобой! Мы же его схоронили.

— То он у вас в Афгане погиб, то схоронили!

— В Афгане как бы погиб. Вернулся — другой человек. А погиб уже дома.

— Так, может, другой человек и вернулся?!

— Серёжа, сынок, ну, о чём ты говоришь?.. Я же сама ему глаза... — Евдокия Семёновна сделала мягкое движение рукой. — Серёжа, ты зачем всё это смотришь? Вслед за ней собрался? Не смотри, они житья не дадут...

Сергей и сам понимал: не надо смотреть, житья не будет.

— Митя у отца на глазах погиб. У него дружок был, Славка, маленьким всё в олимпиадах по математике побеждал, а после службы где-то в тюрьмах так и убили... Девяностые...

Сын улыбнулся, погладил вдруг маму по голове. Обнял, вздохнув.

Ариша шпаклевала стены: косынка туго подвязана, с бантиком сзади, халат свободный. Руки — золото! Швы плитки затирала на кухне — как по ниточке! Он помог, пошёл со шпателем навстречу. Столкнулись плечами, переплели руки. Поцеловались.

Лежали на двуспальном надувном матрасе в будущей спальне с оштукатуренными, ещё не окрашенными стенами. Он протянул руку к барсетке, где носил документы, растегнул, вытянул небольшую фотографию — симпатичный круглощёкий солдатик в форме десантника.

— Брат, — пояснил Сергей. Рассказал историю его гибели — в родительских вариантах. И третью версию, из которой следовало, что экстремистский вербовщик Идрис — это и есть брат.

Сказал и тотчас понял, что не надо было. Он ведь никогда не принадлежал к говорливым людям, что его понесло? Ариша рядом напряглась, лежала неподвижно.

— Зачем это слушать моему ребёнку? — Голос её стал чужим.

— Нашему.

— Что “нашему”?

— Нашему ребёнку!

— Вот именно! Зачем?! Зачем я с тобой начала строиться? Я не хочу и не буду, — по буквам произнесла она, — жить в одном доме с твоим пунктиком! Живи с ним, лобзай его, — она всё смешно изображала, играя в дразнилки, — нюхай, кайфуи!

Была рядом, и нет. Расторопная. Только апельсиновый “Смарт” покатился вниз вдоль берега.

Сергей ещё попытался позвонить — звонок сорвался. Набрал ещё раз: “Абонент вне зоны действия сети, перезвоните позже”.

Что делать?! Да дел-то по горло! Направился, было, к машине. Зазвонил мобильник. Как всегда, когда надо быстро, телефон, словно неуловимый, бегал по сумке.

— Да! — выдохнул в трубку Серый.

— Я н-н-нашёл её, — послышался голос будто из параллельного мира. Звонил Эльсан Исламов.

— Кого?! — переспросил Сергей, отлично понимая, о ком речь.

— Твою жену, Лизу.

— Она мне не жена, понимаешь, — по слогам повторил, — не же-на!

— А ты п-п-панымашь, что она в Сирии! П-п-па-анымашь, ч-ч-что это т-т-акой?! — У друга детства по секции борьбы вдобавок к заиканию вдруг прорезался ещё и акцент.

— В Сирии, в Зимбабве, на Луне, Марсе — она меня оставила! Это её выбор! И я о ней забыл! У меня другая жизнь! Другая семья! У меня ребёнок будет! Сын! Впервые — сын!

— Значит, она свободна? — сказал заика чисто, нараспев. И без акцента.

— А ты сам-то где?!

— Пока в Турции. Но завтра я её встречу.

— Ты воевать поехал, что ли? — Сергей спрашивал, ответ уже предвидя.

— Т-т-ты п-просил её найти.

— Но я ж не так просил, чтоб ехать... Да и когда это было!

— Я её н-нашёл. Она свободна?

— Эльсан, — Серый чуть слезу не уронил. — Если ты в смысле меня. Так я уж давно ни при чём! Я сына жду, понимаешь, от другой женщины — сына!

— Я п-понял. П-поздравляю.

Сергей долго сидел, опустив руки на колени. Ошарашенный совершенно. Так любить он не умел. И не умеет!

Из Анкары Эльсан автобусом добрался до местечка Хатай, провинции Анталья, купил местную сим-карту, как его учили, набрал номер. Скоро подъехал таксист, турок.

Был вечер, темнело быстро, а ехали очень медленно: здесь, на окраине Турции, пробки были, как в центре крупного города. Эльсан мысленно усмехнулся: неужто такой поток к границе? Все в Сирию? Таксист немного понимал по-русски, но поговорить о чём-то конкретном не представлялось возможным.

— Долго ещё?

— Нет дёльго.

Ну, недолго, значит, недолго. Эльсан шурился перед светом фар встречных машин — от границы тоже шёл поток. Был спокоен, насторожен. Всё же совсем неясно, куда едут? Понятно же, если человек отправляется в другие страны, то при нём должны быть деньги. Хотя вся эта цепочка — информация, перевозчик, граница — отлаженный бизнес. Можно раз ограбить пассажира, и прервётся ниточка. К тому же большинство “путешественников” отправляются на территорию войны в последний путь: что с них взять? И терять им нечего!

— Много людей возишь? — кивнул Эльсан вдаль.

— Мнёго бас, — кивнул водитель на впереди идущий автобус.

Автобус включил сигналы поворота, таксист свернул следом. На свободной, наконец, дороге обогнал автобус. Скоро въехали в деревню, остановились возле дома с садом. Эльсан отдал таксисту оговорённую сумму: сто долларов — это за всё, обещали, в комплексе.

Неподалеку остановился и автобус: среди выходящих Эльсан заметил женщину в узбекском платье.

В доме оказался ещё один гость — совсем молодой аварец по имени Магомед. По тому, как он был сосредоточен, уходил в себя, было ясно, что парень собрался по ту сторону для великих дел. Эльсану тоже не хотелось разговаривать, убеждать или разубеждать. Здесь могли быть только люди, принявшие решение. Хозяева накормили лёгким ужином. “Всё, бай-бай”, — указал хозяин на постели. Эльсан ждал, что разбудят среди ночи: ему доводилось читать и слышать, как границу переходят в темноте, проползая под разрезанной колочей проволокой. После дороги заснул так крепко, что открыть глаза заставил только солнечный луч, пронзающий оконное стекло.

После утреннего намаза хозяин принёс поднос с чаем и лёгким завтраком. Так, за чаем, просидели часа два. Сосед Магомед теперь то и дело просматривал видео на телефоне из сирийской жизни: танки, гибнущие люди, бомбёжки, и вдруг бородатый лохматый мужчина из “Иглы” сбивает вертолёт, только что сбросивший смертоносный снаряд. Будущий воин, готовившийся наверняка к джихаду, просмотрел этот ролик раз десять. Закадровый голос сообщал, что вертолёт сбил выходец из Америки. По национальности азербайджанец. Позывной у него запоминающийся: “Шататы”, производное от “Штаты”.

Около десяти часов хозяин позвал гостей из дома. Напоил чаем со сладостями, потом повели людей на маршрутку. Была здесь и узбечка, прибывшая вчера на автобусе: стало ясно, что имел в виду таксист, говоря, что много — это на автобусе.

Проехали на маршрутке всего метров пятьсот, остановились на окраине. Оказывается, это было приграничное село. Никакого блокпоста, просто отгороженная территория и наряд пограничников, совершающих дежурный объезд — колочая проволока и бронетранспортёр.

Эльсан ощущал паспорт с турецкой визой, полагая, что будет проверка. Офицер в солнцезащитных очках руками приказал группе держаться кучнее, регулировочным жезлом приподнял провисшую проволоку и кивнул, мол, проходите. Группа вереницей перешла границу. Эльсан ещё успел подсчитать: если бы в Крыму он воспользовался такси, гостиницей с ужином и завтраком, то вряд ли бы уложился в сто долларов. А здесь сумма включала ещё и определённые услуги!

На сирийском блокпосту ждали два бородача. Одного трудно было не узнать — тот самый заросший волосами мужчина из видеоролика в интернете, который “Иглой” сбил вертолёт. У Эльсана в голове так и стоял дикторский текст: “Из Соединённых Штатов, азербайджанец Шататы”.

Второй бородач разделил группу на части: людей постарше, которые явно прибыли по каким-то миссионерским делам, — в одну сторону, а Эльсана с двумя совсем молодыми парнишками — в другую. При этом команды отдавал на ломаном русском языке. Этот, скорее, узбек, понял по акценту и чертам лица Эльсан.

— Паспорта, — приказал Шататы.

Аварец Магомед, что называется, глазам не верил: только что он видел бородача на экране, и вот живую, настоящий!

Эльсан протянул документ, отмечая про себя: “Со стороны Турции не проверяли, а здесь контроль строже”.

Густоволосый бородач, не глянув, сунул паспорта всех троих в карман.

— Верни паспорт, — сказал Эльсан.

— Зачем он тебе? Ты же приехал умирать!

— Ты же, вроде, американец? — задал как бы не к месту вопрос Эльсан.

Шататы, как человек, привыкший к славе, не удивился. Ответил, вскинув горделиво голову:

— Здесь нет американцев, азербайджанцев, чеченцев, русских. Здесь все мусульмане.

— Говоришь по-русски хорошо!

Лохматый бородач чуть помолчал, посмотрел пытливо:

— Родился в России. В Советском Союзе, то есть.

— Верни паспорт, — повторил Эльсан. — Я ещё пожить хочу.

— А-а, ты этот... — бородачи переглянулись и засмеялись. — Что там у вас, женщин нет? За бабой сюда приехал?!

Паспорт вернули.

— Ему в этот группа надо, — указал второй бородач.

— Пусть отправляется в муаскар, — в упор посмотрел Шататы, — получится воевать.

— Я не приехал воевать. У меня договор с Амиром! Я приехал за... женой! Мне обещали встречу с ней завтра!

— Так уж прямо завтра?! — рассмеялся Шататы. — Откуда я знаю, кто ты?! Может, ты шпион?! — бородач наставил дуло автомата. — Хочешь жену? Поиграй со смертью!

— Жизнь — это сладкий ложь! — процитировал “учителей” бородач узбек. — Смерть — это горький правда!

В муаскаре были и арабы. Но большей частью — выходцы из стран бывшего СССР. Разговорным языком был русский. Узбеки знали его меньше, но понимать — понимали. Эльсан, способный “солнышко” крутить на турнике, считал не великим грехом притвориться физически слабым: не собирался он на войну, ему надо было решать совсем иные задачи. Поэтому подтянулся раза полтора, хотя муаскар и сузил на него глаза: сложение выдавало спортивный тип. Новобранцев поделили на несколько джамаатов: тех, из кого будут готовить штурмовиков — туда попал и знакомый аварец, готовый к военному джихаду. Отобрали джамаат снайперов: Эльсан был немало близорук, в обыденной жизни очки почти не носил, но сейчас нацепил их на переносицу, чтобы походить на “ботаника”. Так он попал в джамаат резерва: здесь задачей было укрепление физической формы.

Резервисты — сплошь с высшим образованием, в недавнем прошлом программисты, юристы, учителя, — были горазды до теорий.

— Народ сирийский, — заводил разговор очкарик по имени Марат, он был выходец из первой волны чеченской эмиграции, рождённый во Франции. — Он не в исламе. При правлении Башара люди служили в армии, участвовали в выборах. Ходили на суды конституционные.

— Участие в выборах лишает человека возможности быть мусульманином? — заинтересовался Эльсан.

— Это выводит из религии, если человек в исламе. Я выбираю правителя не исламского, соответственно, конституцию.

— А если правитель мусульманин настоящий? — спрашивал задумчивый Магомед, часто заходивший на чай в джамаат резерва.

— В исламе так не делается. — Марат был самым подкованным.

— А разве имама мечети не выбирают? — опять встревал Эльсан. — Это тоже демократические выборы.

— Так бывало в Дагестане, — поддерживал его Магомет. — Духовное правление назначало имама, а бывало, что сельские жители сами.

— Хорошо, допустим, — снимал очки и с прищуром смотрел Марат, — каким-то способом мусульманин стал во главе государства. Но там ведь Конституция, не шариат. Там правят не по шариату, по Конституции. Как в России — есть Конституция, Уголовный кодекс.

— Может, он изменит её? — с увлечением пытался понять Магомет.

— Нельзя ему править по правилам светского государства и менять постепенно. Надо сразу менять.

— Может, сразу поменяет.

— Если сразу, то тогда он станет мусульманином.

— Ты исключаешь возможность, что пройдёт сколько-то десятилетий, и мусульманин станет президентом России? — спрашивал светловолосый парень, державшийся в стороне.

— Как человек становится президентом России?

— Его выбирают.

— Участие в выборах, вот в таких выборах, — был категоричен Марат, — это уже не ислам.

— Ну, может, ислам потом поменяет Россию?

— Ну, разве что потом. Но на момент, когда человек станет президентом, считая себя мусульманином, он не будет мусульманином. Если он введёт уже сразу, одновременно шариатское правление, соответственно, и покается во всех своих прежних грехах, которые выводят из ислама, да, в больших грехах, в куфрах. То, соответственно, тогда он станет мусульманином.

“Искренние люди”, — удивлялся Эльсан. Они очень напоминали ему героев советских фильмов о революционерах. С восклицательным знаком во взоре!

Его звали Хабиб, и в памяти Лизы пронеслись слова весёлой песни: “Хабиба, догоню!..” Хабибой в песне, правда, звали девушку, которую парень собирался догнать. И слов больше она не помнила — старая песня, времён бабушек. Но звон этот, голосовой, озорной, в ушах так и стоял: “Хабиба, догоню!”

Неженатые мужчины-воины здесь обычно жили в макаре, как и женщины, — только поврозь. В общежитии таком. Но Хабиб жил в большом доме, потому что он ещё недавно был женат. Жена его запросилась вернуться домой, где остался их ребёнок, на Кавказ. Он отпустил её. И в одиночестве стали мучить сомнения — они некогда вместе искали джихада, и куда теперь отправилась она? Снова в ложь, видимость жизни, где есть накопление, удовольствия и нет служения?! Он вернул её, думая, обязан ли теперь передать женщину в руки шариатского суда? Но Аллах рассудил иначе: вертолёт сбросил бочку, начинённую взрывчаткой и гвоздями. Они были рядом, ее изрешетило, а его не царапнуло! Бог призвал её, и он за жену был спокоен: она не могла попасть в ад, потому что не успела согрешить!

Хабиб отдал Лизе кровать, сам ложился на полу, каменном, не подстелив ничего. Он сказал, что и раньше не спал на кровати — так, на жёстком, он ближе к Богу, и вина его за минувшую бессмысленную жизнь не столь тревожит.

Через неделю они свершили никах: мусульманину можно иметь до четырёх жен одновременно, если он каждой равно может устроить достойную жизнь, но кто же это, на самом деле, из простых правверных может?! Теперь они вместе ложились на пол, только она стелила толстое бедуйское покрывало.

Ей нравилось, что Хабиб настоящий мужчина, воин. Он уходил, взяв автомат. Смотрел ей в глаза, молча, неподвижно. Едва заметно улыбался, рука свободная ложилась на её плечо. Так, ничего не сказав, не поцеловав, как

ждала она поначалу, он круто разворачивался и уходил. Крепкой, упругой походкой.

Поэтому особо сжималось сердце её, когда Хабиб возвращался. Кажется, иной человек. Вымотанный, уставший так, что долгое время сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Держал автомат, лежащий рядом, за дуло, будто тот мог уползти или упрыгать. И смотрел на неё с запрокинутой головой, совершенно влюблённо.

Лиза подсаживалась рядом, и он преображался, словно это она через невидимые сосуды переливала ему избыток своих сил. Столько энергии, неистовости, звериного утоления плоти и благоговейного человеческого обожания было в нём — и это всё она, во всем, в каждом его порыве — она!

Только однажды Хабиб не коснулся её после боёв. И не сел к стене, как обычно. А вернулся и просто распластался по полу. Так, лёжа ничком, он произнёс:

— Сегодня один из наших забил ногами ребёнка.

— Ребёнка неверных?

— Просто ребёнка. Мальчика.

Через несколько дней всё повторилось: он снова лежал ничком на полу.

— Сегодня наши играли в футбол отрезанной головой.

— Головой врага?

Хабиб развернулся и сел. Посмотрел с мольбой.

— Головой человека.

Он помолчал, сидя так, на полу, удерживая гладкое дуло автомата.

— Я вынес такфир, — сказал он, как приговорённый.

— Что такое такфир?

— Инакомыслие.

Лиза помнила книги про времена сталинизма, и понимала, что такое инакомыслие и как за это могут наказывать.

— Тебе не снятся странные сны обо мне?

— Почему странные? И почему должны мне сняться сны о тебе?

— В исламском фольклоре много преданий о вещих снах.

— Нет, не снятся.

— Если я принял неправильное решение, пожалуйста, помолись за меня Богу, чтобы он меня уберёг.

Скоро Хабиб не вернулся. День, два. Она думала, он погиб в бою. Как погибали мужа многих женщин. Но скоро стала свидетельницей, как его казнили на площади. Сначала наказывали вора: отрубили ему кисть правой руки. Лизу удивила забота о преступнике: присутствовавший здесь врач сразу же обработал культю руки и перевязал тугой повязкой так, что кровь перестала течь и просачиваться сквозь бинт для такой раны очень быстро. А потом вывели её Хабиба. Приговор объявляли на арабском, но в толпе было много русскоговорящих и даже не ей, а кому-то рядом полицейский объяснял:

— Он вынес такфир.

— Да, это так, — призналась Лиза. — Это мой муж.

— Муж? — нахмурил брови полицейский.

Человек на постаменте для казни, объявлявший приговор, тем временем что-то спросил Хабиба. Тот отрицательно покачал головой.

— Твой муж не хочет признать куфр, покаяться, — сказал полицейский. — Его казнят.

— На всё воля Аллаха.

Хабиба казнили повешением. Лиза стояла среди толпы и не жалела бывшего мужа. Если он прав, Аллах призовет его в рай. Если нет, то он по доброй воле стал такфиристом. “Хабиба, догоню...” — отдавался в памяти горным эхом весёлый голос.

Тем временем на казнь вывели двух женщин. Этим должны были наказывать сами собравшиеся на площади люди — за грех прелюбодеяния побивали камнями.

Камни летели в женщин со всех сторон, те сначала уворачивались, закрывались руками, кричали, но скоро упала одна, затем другая, а камни всё

летели, летели, то падая рядом, то точно попадая в неподвижные цели. Что-то подтолкнуло и Лизу взять камень и бросить. Она попала. Облегчила земную участь грешницы. “Хабиба, догоню...”

И ведь что удивительно: оружие перед боями выдавали бесплатно. Но почти все муаскары купили автоматы ещё во время учёбы, за свой счёт. И совсем уж Эльсан не понимал себя, когда купил и он. Детское такое желание, мальчишеское: иметь автомат или пистолет.

Оружие здесь продавалось свободно, без всякого разрешения, в магазинах, на рынках. Все брали “калаша” — автомат Калашникова. Разного выпуска: российские — советские ещё. Очень хорошего качества! Немецкой сборки — тоже качественные. Советские — стреляют точнее, отдача не такая сильная. Их уже немного, и они дорогие. У немецкого приклад удобнее — куриная нога такая металлическая, выдвигная. Были и китайские, у которых ствол с алмазным напылением. Из них можно долго точно стрелять, не перегреваются. Хотя при долгой стрельбе перегревается любой, немецкий всего быстрее, а перегрелся — теряет точность.

Эльсан купил советский. АК-74, калибр 5,45. Пусть и приклад — весло деревянное! Именно такой в руках солдата на плакате остался в детской памяти.

Рибат, как близорукому зайке, дали ему не боевой. Охрана нефтебазы. Ходи туда-сюда с автоматом наперевес, заглядывай в палатку для отдыха. Чай пей, лепешки кушай. Опять давай из конца в конец. Наблюдай жизнь. Не надо было быть специалистом, чтобы понять — деньги качаются страшные. Нефтедобывающие машины сутки напролёт, как дятлы, делаю челночные движения, добывали “чёрное золото”. По подземным трубам оно шло в накопители. День и ночь подходили машины с цистернами, причём обязательно для перевозки нефти или бензина, могли быть поливальные машины и даже молоковозы. Кто-то, конечно, здесь искренне полагает, что воюет за чистоту Ислама, но ребята, которые всё это устроили и организовали, имеют миллиарды в удобной им валюте.

Наблюдения, наверное, были бы хороши для журналистов — наснимал, хотя это строго запрещено, выдал информацию, и тоже деньги. Но у Эльсана совсем иная задача: он прибыл сюда за женщиной и должен найти её. При этом — он всё чётче это осознавал — чуть влево, чуть вправо, и ты предатель, шпион, секир башка! Если в Турции — заплатил сто долларов, и организованная цепочка услуг чётко сработала, здесь же, может, и есть подобные отлаженные структуры, но — можно отдать деньги, и это ровно ничего не значит. Не то, чтобы кинут, а что завтра? Убьют, казнят, посадят? Если не тебя, то того, кому отдал.

Эльсан пребывал в мирной и, учитывая военное положение, комфортной жизни. Неподальку, у грунтовой дороги, располагался рынок: здесь можно было за сущие копейки купить фрукты, овощи, покушать кебаб. Местные арабы, в основном, жили прежней жизнью: торговали.

Казалось бы, именно здесь должны были идти большие бои: за нефть, за несметное богатство. Но столкновения происходили в десятках и сотнях километров отсюда, и даже авиация, которой ничего не стоило разбомбить нефтедобычу, тем самым перекрыв источник дохода и финансирования боевых действий противника, обращала в пыль города, велись бои за исторические ценности, туда-сюда могла переходить Пальмира. А “дятлы” — нефтяные установки — без устали клевали и клевали носом, как заговорённые. Ясно: враждующей стороне не нужны добытые в боях огарки, они потенциально считают себя хозяевами недр. Берегут их добывающую технику.

И все: и те, и другие — сдабривают свои действия лозунгами, взывающими к справедливости, к Всевышнему. Как, впрочем, и крестоносцы провозглашали: “Кто не крещён, тот убит”. И фашисты заставляли свой народ верить: “С нами — Бог!”

С передовой приходили вести: убит один, другой, убиты почти все, прибывшие с Эльсаном.

Дагестанца Магомета перекинули на охрану нефтебазы: контуженного, оглохшего и странно задумчивого. Он часами сидел недвижно, даже и не пытался говорить или как-то общаться, мог днями ничего не есть. Эльсан приносил ему то яблоко, то кебаб. Парень с могучими плечами откусывал дольку или брал в рот кусочек мяса, и опять задумывался. “Жуй, жуй”, — говорил ему маленький Чеченец, и богатырь чуть улыбался, радуясь человеческой заботе о нём.

Когда однажды на закате солнца Эльсан увидел стадо стремительно приближающихся верблюдов, то не придал этому никакого значения: ну, кто-то для каких-то целей гонит верблюдов. Часовой на смотровой площадке что-то заорал, замахал руками. Зашипел приёмник радиации на груди, и рычащий булькающий голос произнёс что-то о колесницах, в которые запряжены верблюды. Но Эльсан и сам уже видел, что на одногорбых установлены пулемёты. А за спинами возниц, как мечи у древних воинов, — дула автоматов.

“Бедуины”, — пронеслось в голове. Зачем им? Чего хотят? Племя бедуинов торговало у дороги, жили с ними мирно, что стряслось? Он ещё не думал, что будет бой, — здесь воевали на “крузаках” или бронетехнике. Ну, не на верблюдах же?

Пулемётная очередь вздыбила волной песок, царапнула металл ограждения и пробила цистерну молоковоза, загружающегося нефтью. Брызнула чёрная струя, ровная, в диаметр пули. Колесница пролетела чуть наискосок. Следом рассыпалась по видимому спектру ещё дожина колесниц. Молоковоз вспыхнул, раздался взрыв.

Женщины, закутанные в чёрное, стояли на мчащихся колесницах во весь рост и полосовали пространство из пулемётов и автоматов. Оно бы надо ему — защищать пиратские нефтяные скважины?! Да он же не джихадист! Выжить не только охота, но и надо. Он приехал за женщиной. Он похвастался перед отцом её детей!

Эльсан воевал в Приднестровье — он отправился туда добровольцем, надеясь на восстановление СССР, за которое проголосовал и Крым. Он прошёл Абхазию, видя во вторжении Грузии в эту республику попрание мусульман. С детства он занимался борьбой, а в юности, насмотревшись фильмов с участием Брюса Ли, серьёзно занялся кун-фу. Воин сидел в крови маленького Чеченца — сына лакца и крымской татарки. Как лётчик-истребитель Амет-хан.

Чеченец винтом прокатился по земле, поймав в прицел всадницу на колеснице. Он не был готов стрелять в женщину! Прицел перекрестил лоб верблюда, но и домашних животных его не учили убивать. Палец нажал курок, и колесо арбы разломилось ровно пополам. Верблюда потащило набок, и чёрная амазонка распласталась по песку.

Попадать в колесо было интересно и легко — это как в мишень в тире с точно обозначенным центром: в “десятку”! Ещё одна колесница завалилась набок. Краем глаза он заметил, как и прочие “ботаники”, охранявшие нефтедобычу, были не промах! Правда, они не жалели верблюдов, и прямо перед глазами Эльсана животное как бы переломилось пополам, пропахав головой песок. Хозяева, выбравшие для охраны своего добра высоколобых, действовали расчётливо: они, книжные люди с гипертрофированным чувством духа, побеждали страх лучше, потому что и прежде не жили нуждами тела.

Упал со смотровой вышки один воин, другой скрутился на земле. Здоровый и мощный Магомет, тоже из “мозгодуев”, с тем же каменным онемевшим лицом шёл вперёд, стреляя из пулемёта. Пули облетали его, хотелось бы сказать, как заговорённого, но Эльсан понимал, что это не мистика: парень искал джихада, и воительницы не желали ему быстрого конца. Пусть поживёт, коли жизнь ему хуже смерти. Наказывали, хотя и сами имели больший шанс погибнуть, оставляя в живых стрелка.

Колесницы расступились, и теперь прямо на него, не сворачивая, на вороном коне мчалась, казалось, не женщина, не человек вообще, а чёрная тень, стоявшая в стременах. Тень держала в руках военный арбалет с западной стрелой. Эльсан невольно задрал голову, проследивая полёт огненного

шара, словно подкрашенного чёрной полосой дыма. Вспыхнула большая, похожая на башню, цистерна, словно извержение вулкана, хлынула “магма” нефти. Мгновение — и лава накроев всех! Чеченец ещё успел взглянуть на чёрного всадника, резко повернувшего скакуна. И в прорези “тени” — на долю мига! — различил живые женские глаза, как показалось, смеющиеся.

Женская рука вырвала автомат, лежавший в портупее возле седла. Эльсан даже не дрогнул, чтобы попытаться опередить. Воительница-тень могла расстрелять его в упор, но рука пронесла оружие выше, дулом вверх, и только теперь раздалась автоматная очередь. Она отчётливо дала понять, что он, человек, ей не нужен. Нужна только нефть, горячая и сжигающая всё вокруг.

Воин бросил автомат и налегке пустился наутёк от подступающей чёрной лавы с бегущей за ней шипящей линией огня. Он видел, как за чёрной полосой дыма остался Магомет. Но гибель сгоревшего заживо человека не столь тронула ум и сердце, как поразил вспыхнувший загромок верблюда! И второй верблюд, колесница которого рассыпалась после его выстрела, высвободившись из оглоблей, попал под нефтяной фонтан.

Эльсан где-то подобное видел! На картине! Только там горели спины жирафов. Он ещё подумал: чепуха какая-то, кто жирафов станет поджигать?!

И вот, горят! Не жирафы, верблюды, но подождли!

Горящие верблюды бежали по пустыне и чадили, как два фитиля, пропитанные нефтью.

Воительницы теперь уже в своё удовольствие расстреливали, рассыпавшись по прериям нефтедобычи, “журавлей” и “дятлов”, освобождая от необходимости без конца отбивать поклоны.

Эльсан скинул рубаху и принялся тушить костёр на спине верблюда. Рядом оказалась воительница, вылетевшая из порушенной им колесницы, тоже бросилась сбивать огонь. Волосы рассыпались по её плечам, и Эльсан успел подумать, что ей бы надо повязку, а то ненароком попадёт нефть, и голова вспыхнет! Рубаха меж тем превратилась в огарки и в ход пошли штаны! И девушка скинула остатки покрова, оставшись в нижнем белье. Здесь некого было стесняться, не перед кем соблюдать законы — закон был один: спасение!

Огонь на спине верблюда потух, но горб — питалище и жизнь обитателя пустыни — выгорел. Верблюд, точнее, верблюдица, как заметил Эльсан, опустилась на колени, будто обыденно располагалась на отдых, вывернула зрачки, вопрошающе глядя на людей, и распласталась по земле верёвочным существом.

— Кэмел, кэмел, — произнесла женщина.

И бросилась с кулаками на Эльсана. Мгновение он не сопротивлялся, давая женскому пылу выплеснуться, остыть. Но скоро стало ясно, что перед ним мастер восточных единоборств.

Он не всегда успевал ставить блоки, пропуская увесистые удары, с восхищением отмечая, как филигранно девушка пробила утимоваси и тотчас маваси-гирэ. Одной защиты было мало, пора было включать собственные удары. Не в лицо. И не в живот. Лоу кики по бёдрам и мягкому месту. И переводить поединок в борьбу, в партер — она каратистка, а для этого народа лучшее противодействие — вольная борьба, самбо.

Ему удалось просесть, сделать обыкновенный бросок через бедро и обхватить шею для душающего приёма. Чуть придавил, несильно, исключая возможность удушения, — ведь это не спортивный поединок, где соперник, чувствуя опасность, стучит рукой. Здесь могут “терпеть” до последнего! Он не придавил даже, прижал к себе и... почувствовал, как тело соперника ослабло. Девушка, как только что верблюдица, вывернула с вопросом и растерянностью зрачки... Они были почти обнажёнными, на песке, мужчина и женщина. Оба крепкие, ладные, как участники гимнастического шоу.

И он ослабил... объятья. А она все смотрела и смотрела, заглядывая ему в глаза: девственница, прошедшая ад.

Тень упала на них. Тень тени — женщины со смеющимися глазами в прорези нихаба — на чёрном коне.

— Объясни мне, — ночной птицей прокричала она, — зачем мы, русские люди, дерёмся друг с другом в аравийских песках...

Она сдёрнула платок, прикрывающий лицо. Чуть выпирающие скулы, словно очерченные острые уголки глаз с чёрными угольями посредине. Губы своенравные, надменные, выказывающие обиду. Идеальные черты восточной дивы!

— Какие же мы — русские? — усмехнулся Эльсан, отлично понимая: женщина затевает какую-то игру.

Женщина улыбнулась.

— Я училась в советской школе; когда задавали выучить Пушкина, Маяковского — я старалась всё знать без запинки. Прочитать лучше русских, мечтала поехать учиться в Москву и стать учительницей русского языка. Мой папа был коммунистом! И он тоже всегда хотел быть лучшим из русских! В СССР нерусские — были самыми русскими!

С этим нельзя было не согласиться: Эльсан долго смотрел на женщину, будто она открывала ему какую-то важную жизненную загадку.

— А я мечтал стать чемпионом СССР, представлять страну на Олимпийских играх, стоять на пьедестале, чтобы надо мной поднимался красный флаг, звучал гимн, и я плакал, — сказал он серьёзно и честно.

— Знаешь, что здесь все мы ищем?! И я, ездика, убивающая боевиков мусульман, и они, джихадисты, и ты — мы все ищем Советский Союз! Мы, потерявшие великую родину, великую идею, цель — мы пытаемся обрести общество справедливости, равноправия — здесь. Мы становимся бандитами, тупыми убийцами от отчаяния, и только в джихаде видим спасение — там, на небесах, родина, которую я полюбила в пионерах. Меня, ездикку, мусульманкой сделали насильно, но я настоящая джихадистка, потому что мне ничего для себя не нужно, я огонь, который пожирает тлю. Пока горю, буду жечь. — Простёртой рукой она указала на нефтяные вышки. — Зачем тебе они, жги со мной!

Эльсан посмотрел на неё, прекраснейшую из женщин с огненным взором, захотелось идти вместе с ней, жечь всё, что кому-то приносит барыши, и этот кто-то так ловко приноровился полоскать мозги людям.

“Весь мир насилья мы разрушим...” — с иным пониманием пронеслись в голове слова пролетарского гимна. Всё не пустое. И всё было.

— Я не ищу джихада, — сказал Эльсан. — Я сюда приехал за женщиной. Забрать отсюда.

— Ты из Крыма? — откуда-то знала амазонка.

— Из Крыма.

— И она — русская?

— Русская. Или украинка.

— Лиза?

— Лиза, — был ошарашен Эльсан.

— Она была моей пленницей.

— Где она?

— Я её отпустила. Дала ей осла. Редкий осёл: белый, альбинос.

Мужчине воительница отдала машину — “ленд крузер” — с лёгкой руки. Он оглянулся, ища глазами ту, которую только что невольно прижимал к груди: тепло её греховно проникло внутрь, под сердце. Но полураздетой девушки словно и не бывало: женщины на колесницах стояли кругом в одинаково чёрных одеяниях. Он различил её по глазам в проёме нихаба: будто из камня выдавленная слеза скатилась в уголок глаза.

Стыдно было признаться, что он не умел водить машину, поэтому ждал.

Атаманша тоже одним движением прикрыла платком лицо, вздыбилась с командным выкриком коня, и ватажка помчалась по пустыне, огибая по жарнице. Раздалась ружья выстрелов, воительницы, зная, расстреливали на пути то, что ещё оставалось целым: механических “журавлей” и “дятлов”, выклёвывающих из земли нефтедоллары.

Эльсан помнил, что надо повернуть ключ зажигания. Он где-то под рулём. Смотрел, смотрел, лазил под рулём: ни ключа, ни места для ключа. Кнопочка какая-то есть. Нажал. Ха-ха, машина завелась. Ну да, она же

японская, у них технологии! Коробка-автомат, так это, кажется, называется. Потянул на себя, в прорезь, никак. Нажал педаль. Рукоять пошла. Остановил на середине. Нажал другую педаль. Машина резко поехала назад. Снова нажал прежнюю педаль. Так, это тормоз. Потянул ручку скорости до отказа, вцепившись в руль, поехал вперёд. Получалось! Давил педаль газа, и машина убыстряла ход. На песке юзило, успевал крутить рулём, и скоро уже чувствовал себя заправским водилой: ведёт вправо — руль влево, и наоборот.

Гул вертолёта послышался позади. Оглянулся, задрал голову вверх, — вертолёт в небе словно сносило в его сторону. Завибрировал воздух, земля. Вертолёт пронёсся над ним и стал разворачиваться. Так, чтобы оказаться к нему открытой дверью, в которой удобнее устраивался снайпер со среднекалиберным пулемётом. Способ такой охоты стали использовать американские морпехи во время войны во Вьетнаме. Снайпер был экипирован, но лицо открыто — снять его одиночным выстрелом можно: для этого нужно остановиться, укрыться за машиной и прицелиться. Это время, а главное — если этого никогда не делал, то сейчас не лучшее время для учёбы. Ехать же он уже приноровился, нога сама вжала педаль газа, руль пошёл резко вправо, машину кинуло в сторону. Пулёмётная очередь вздыбила песок рядом. Эльсан набирал скорость. Гнал по прямой. Вертолёт сзади снова качнуло по дуге за ним, будто бумажный змей на привязи. И опять пули равномерно вздыбили песок. Машина ушла теперь круто влево. Вертолёт настигал, опускался ниже, стрелок в двери, кажется, хохотал. Забавлялся. Кошка — с мышкой! Пули полоснули над головой, стали рисовать полукруги на пути движения, вынуждая остановиться. Эльсан ещё резче крутанул руль и не сразу понял, что произошло, — он кубарем летел по воздуху, машина летела за ним, над всем вертел пропеллерами вертолёт, вздымая песок.

Он упал навзничь, резкая боль пронзила тело. Машина придавила ноги — легла режущей подножкой. Вертолёт опускался. Тьма...

— Шестьдесят три сантиметра и пять кэгэ веса, — отвечала Сергею жена из роддома.

— Что шестьдесят три?

— Рост твоего сына!

Согласно результатам УЗИ, он давно знал, что должен быть сын. Но так привык девок получать из роддома, что до сей секунды не верил.

— Как шестьдесят три? Пятьдесят три?

— Да говорю же, шестьдесят три.

— Ну, всё, портфель покупаем, и на следующий год в школу.

Ариша рассмеялась.

Через три дня Сергей забирал жену с сыном из роддома. Конфеты, шампанское — медсестре, молодой матери — цветы!

Взял кулёк с младенцем, правда, длиннющий — годовалый, считай, по размеру! Дочки Сергея — Виктория, Алёна, Селина — и дочь Ариши Ярослава, теперь, понятно, все общие дети прыгали вокруг, пытаясь заглянуть в личико. Но первой это сделала Евдокия Семёновна:

— Ой-ёй-ёй, ну, вылитый дед! — Дальше обратилась к снохе: — Ты Павла Валерьевича не знала, ох, какой был мужчина! Красавец, все женщины мне завидовали!

Дядя Петя — друг Евдокии Семёновны и зажившийся квартирант — стоял поодаль. Как по команде, под её взглядом приблизился, протянул букет цветов.

А на улице ждал Марк Самуилович. Фланировал туда-сюда. Худой — одни глаза! Замахал издали, причём не матери и не всем, а ребёнку, будто новорождённый мог приподнять голову и ответить, мол, привет, Самуилич! Торжественная процессия с младенцем тронулась, и бывший редактор стал отходить, пятиться ровно в соблюдении избранной дистанции.

— Ты чего, Маркушка, — позвала Евдокия Семёновна, — не подходишь-то? Мы тут, чай, не кусаемся.

— Да вспомнил, Павел Валерьевич всё, бывало, скажет: “Ты, Маркушка, на верблюда стал смахивать. Ну, вылитый верблюд!” Я и подумал, как же это ребёночек впервые на свет выйдет, а тут, страшно сказать, старый иудей с верблюжьей мордой! — получалось “вегбьюжей мордой”.

— Ты слушал бы больше Павла Валерьевича! Ты на Бельмондо похож. Вылитый Бельмондо! Французский артист, ты, поди, со своей политикой и не знал?!

Марк Самуилович приблизился на полусогнутых, заглянул одним глазком в открытый треугольник лёгкого одеяльца.

— Шестьдесят три сантиметра! — указывала пальцем вверх бабушка Евдокия Семёновна.

Но старому еврею это ни о чём не говорило, он улыбался и кивал:

— Ну, вырастет ещё, вырастет!

— Самый крупный ребёнок в истории роддома!

— Так он же россиянин. Богатырь!

Молодой отец нёс новорождённого, едва дыша, боясь оступиться. Ребёнок благоговейно спал, чему-то вдруг улыбаясь.

Младенец не знает страха, которым во многом живёт взрослый, думал Сергей. Это был четвёртый его ребёнок, которого забирал из роддома. Предыдущих трёх нёс он, как младенец, не подозревавший, что лад жизни может враз развалиться, будто дом с нарушением конструкции. Не имел страха. Законы, система наказаний — всё призвано вызывать страх. И тем самым дозвель, властвовать. Но страх особенный — мысли опять улетали к той, которая родила ему троих, — страх перед неодолимой силой. Страх поселился в нём: за детей, за неё, чьей жизнью могут распорядиться как угодно в каждый миг. Внуши страх — и запрягай человека!

Младенец не знает страха, зато хорошо понимает заботу, любовь: отец, оберегая, бережно прижимал ребёнка к себе, сын в ответ шевелил губами, словно что-то хотел сказать. А, скорее, просто искал мамину грудь.

Эльсан лежал на больничной койке и думал: что же его повлекло взяться за оружие? Военская наследственность, вечная мальчишеская тяга? Или всё-таки вера — слабая, с большими сомнениями, но вера в то, что здесь, на этом всемирном полигоне, в Сирии, люди ведут не такую уж бесосновательную войну? Не только за деньги? А как сказала воительница езидка, все ищут здесь СССР — в лучшем его виде, в том, который должен быть?

Потолок перед глазами был расписан восточной вязью. Да, в Бахчисарае такие есть. Но там нет войны, а здесь, где вокруг разрушенные дома, руины, вдруг сохранившийся орнамент, наверняка, выражающий глубокий смысл? Он не знает тайн древности, как не знает почти никто, кто, казалось бы, готов отдать жизнь в поисках смысла этих посланий. А что здесь, если разобраться несведущему? Солнце, волны света, с громадным количеством узоров, которые — всегда цветов, а внутри — ещё цветов, и так по всемоу ободу рассеивающегося света. И всё в цвете песка — в красках пустыни.

Рядом на койке лежал парень с ампутированной рукой. Совсем молодой, каково ему теперь без руки? Эльсан пошевелил руками, приятно чувствуя, что они у него есть, на месте. Пошевелил затёкшими ногами... Увидел согнувшееся колено левой, а правой он не почувствовал. Приподнял голову... Забинтованная по колену культя. Показалось, в первый миг, это не с ним — с ним это не могло быть, но в миг следующий наступило ясное твёрдое понимание — с ним. Слеза защекотала щёку. Он плакал. Не потому, что стал инвалидом, а потому, что приехал сюда за другим. И полез не в своё. Всегда, когда человек делает не своё, происходит плохое. Иногда это плохое ещё можно исправить, а здесь — всё! Конец! Он не выполнил задачу — не нашёл, не вызволил Лизу, любимую женщину. И теперь уже не сможет этого сделать. Всё.

Расплывчато, как в тумане, женщина в чёрном шла меж рядов кроватей. Сестра милосердия. Здесь медсёстры в чёрном. Лучше бы шла вся в белом и с косой. Женщина склонилась над ним, улыбнулась глазами в прорези нихаба. Глазами, которые он узнал бы из миллионов. Видение. Лиза примнилась ему, какой он видел её, отслеживая в интернете.

— Лиза, — прошептал Эльсан, так, для себя, для собственного утешения, пусть и была она видением.

Женщина-видение вздрогнула и распрямилась. Эта осанка, расправленные плечи, грудь, по которой спадали свободные одежды, не могла принадлежать даже видению. Перед ним была Лиза!

— Вы меня знаете? — произнесла она.

— Я друг Сергея.

— Ах да! Я вас помню.

Они помолчали.

— Вы давно оттуда?

— Нет, не очень, месяца два. — На самом деле ему казалось — годы.

— Детей моих видели?

— Да, как-то. С Сергеем гуляли по Набережной.

Она смотрела, ждала ещё чего-то. Рассказа. Но что он мог добавить? Больше ничего не знал.

— Все здоровые, — единственное, что нашёл сказать.

Она кивнула. Влага выступила на глазах. Но не заплакала. Хотя, по разумению Эльсана, должна бы разрыдаться.

Сам он не стерпел и всхлипнул, как маленький.

— На всё воля Аллаха, — утешила она.

Ему хотелось сказать, что плачет не из-за ноги. Ему её жаль, детей, Сергея. И себя тоже. Что же они такие все запутавшиеся?

Лиза протянула что-то, и только теперь он разобрал, что в руке медсестры — больничная утка. Стыд прошил его страшный. Выходит, пока он был под наркозом, без сознания, она выносила из-под него испражнения?! Для этого ли он ехал сюда?! Спаситель!

— Ничего, ничего, я здесь специально для этого.

— Лиза... — вновь прошептал он. — Ты ведь с Сергеем жила, как королева... И пошла сюда, чтобы?..

— Там не я жила...

Он не стал переспрашивать, как это не она, когда она? Понял, она о призвании. О предназначении. О служении.

— Нет, нет, нет, — противился Эльсан, когда Лиза попыталась подложить под него утку. — Я сам!

Он стал приподниматься. Она удержала его рукой.

— Самому пока нельзя. Мне не впервой.

Она снова улыбнулась и пошла в другому больному.

Странное чувство испытывал Эльсан. Он остался инвалидом, и теперь нечего было рассчитывать на жизнь с Лизой как мужчине, мужу. Но зато она была рядом! Она улыбалась ему. Она... ухаживала за ним! “Нога” протяжно ныла, а сердце ликовало!

Ночью случилось, как он здоровой сильной правой ногой наносит удары по макиваре. Его просто вырвало из сна ясное ощущение, что ничего не случилось, нога на месте. Пощупал... И теперь уже не плакал. Надо учиться жить так.

Из больницы его забирала Лиза. Он шёл на костылях, она его чуть поддерживала. На уровне груди у него был обтягивающий бандаж с карманами, где хранились документы и деньги — странно, на этапах перевозок, когда он был без сознания, никто не взял ни копейки. Хотя и оставалось немного. Ровно столько, чтобы добраться двоим до Турции. Эльсан надеялся, был почти уверен, что Лиза его не оставит. По крайней мере, до тех пор, пока не зажила рана и он не готов жить без помощи.

Теперь никто его не останавливал на блокпостах. Калека — ну, дуй отсюда, в Турцию, так в Турцию, с глаз долой. Женщина с тобой, жена? Жену бери, а как же одному, без ноги, добираться. Эльсан боялся, что Лиза проговорится, точнее, не смолчит, когда он представлял её женой. Она такая, правдистка. Но Лиза вела себя, как подобает восточной женщине: была нема.

Тот же офицер, который поднимал палочкой колючую проволоку при переходе границы, встретил и на обратном пути, только теперь уже через

открытый в загородке проём. И повёз тот же таксист. Посмотрел на культу, покачал головой. Окинул взглядом женщину рядом, пожал плечами, махнул и повёз, отказавшись от денег.

Провёз, впрочем, недалеко, километров тридцать. Здесь располагался лагерь для беженцев. Они, Лиза и Эльсан, не были сирийцами, при этом были гражданами разных стран, хотя и из одного города. Лиза даже не знала, что Крым стал Россией.

В лагере прошли регистрацию, им выдали карточку для приобретения продуктов. И места в палатке, где находились топчаны ещё человек для пятидесяти. Палатка-шатёр, по-восточному.

Эльсан диву давался: как это она оставили родных детей, такая заботливая? Лиза делала перевязку, срезала корку из сукровицы, от вида и запаха которой его самого мутило, — она была настоящей сестрой милосердия, просто сестрой или даже... женой? Но Лиза больше не вспоминала детей, вообще ничего не вспоминала, только молилась, совершала намаз, как подобает мусульманке.

Неожиданно в лагере обнаружился интернет, и Лиза абонировала его смартфон. Он был не против. Глядя на экран, женщина преображалась, светлела лицом, и то и дело поволока тёплых слёз проступала на глазах, или вдруг из-под платка, прикрывающего рот, слышался лёгкий смехок! Эльсан полагал, что, видно, не говоря вслух, она тосковала и сейчас нашла в соцсетях фото детей. Лиза, обращаясь к экрану смартфона, всегда отходила в сторонку, так что с постели он мог хорошо её видеть. Просто любовался!

— Он жив! Он жив! Я всегда знала, что он жив! — приблизилась вдруг к нему Лиза в счастье.

— Кто? — Эльсан подумал, что речь идёт о ком-то из семейных.

— Идрис!

Она развернула телефон — с экрана улыбался бедуин с голубыми глазами. Камера "отъехала" — бедуин сидел в инвалидном кресле. Сказал дружески:

— Не горюй, ты, в сравнении со мной, танцор!

Этого человека, назвавшегося именем пророка, обращавшего народы в Ислам, Эльсан знал. Хорошо изучил его клипы, беседы, отслеживая путь Лизы.

— Зачем ты это сделал? — спросил Эльсан.

— Что?

— Зачем заморочил голову женщине?

— Скажи спасибо. Как бы она ещё была рядом с тобой?

Глаза его улыбались — так же хорошо, по-доброму лучились!

— С-с-спасибо, — произнёс неожиданно Эльсан, вдруг снова став заикой.

...Не сразу понял, что вырвался из сна. Лиза сидела напротив, приглядывала ему полотенце ко лбу...

Он засмеялся. И её глаза заулыбались.

— Сними платок с лица. Здесь Турция. Здесь довольно хиджаба.

И она сняла. Лицо бледное, ещё красивее. Губка верхняя — лодочкой, словно качнулась на волне...

Она постоянно удалялась так, чтобы он не слышал, с его смартфоном. И там, стоя поодаль от палатки, глядя в экран, словно выползала, выпархивала из своих восточных балахонов. А когда возвращалась, глаза сияли, поблёскивали в полной слепоте. С выданной продуктовой карточкой для беженцев уходила на рынок, не появлялась долго. Он уже начинал волноваться, не потерялась ли? Не ушла? Здесь, в Турции, бродящую одиноко женщину могли и заманить, продать...

В заботе о беженцах в палатке поставили телевизор. Народ постоянно врубал музыкальные программы, где целый день крутились клипы: певцы эти, в экране, менялись одни другими, но никакой разницы — припрыгивают, привизгивают, слов не разобрать. Его удивляло — ведь здесь, в палатке

беженцев, были люди мусульманского строгого мира? Они словно забыли заповеди, поучения пророков, и смотрели вождельно на всех этих посланцев иблеса. Эльсан выжидал момент, включал канал с новостным блоком. Согласно новостям, в Турции, да и во всём мире царила благодать, только в Сирии шла война, да если сюжет касался России — обязательно убийство, взрыв, крушение. Он понимал, дело не в турецких СМИ, а в том, что и по российскому ТВ идут только сообщения о катастрофах. Будто в стране не растят хлеб, не собирают виноград, не учат детей, не делают открытий, а только — делят, рвут на части и, конечно, колошматят друг друга почём зря!

Но о чём бы ни думал, подспудно мысли были с Лизой. Что она хочет, как дальше? Надо возвращаться на родину, а там можно и под следствие попасть. Срок схлопотать за участие в террористических организациях. Особенно это касается Лизы — в интернете она “засветилась” крепко!

Вполглаза он смотрел на экран — сюжеты касались Турции, и это мало волновало. Вдруг — взрыв в полицейском участке! Эльсан подумал, что пошли “российские” материалы. Нет — в кадре люди в форме с надписью “POLICE”. Турецкая полиция — надписи у них почему-то на английском? В расчёте на туристов?

Мелькнули попавшие на уличную видеокамеру силуэты террористок. Они были в нихабах, по движению тел видно — молодые... Так Лиза ведь ушла в нихабе! Он ещё подумал, чего это она опять закуталась?! И по телефону перед этим всё разговаривала, склонившись как-то странно, будто в услужении, хотя никого рядом не было?

Снова на экране были террористки, приковала взгляд та, что справа, — высокая, статная, похожая на портреты аристократок в полный рост... Дыхание сбилось, и такая немощь, обида, что не может всгать и побежать! А куда бежать, зачем? Беги, не беги, ничего не исправишь — вот они идут, и вот облако дыма... Только вновь улетел в сознании в небеса сражаться с Идрисом — как же его на самом деле зовут? И зачем он такое творит, зачем ему чужие жизни?! Даже соблазителя, насильника легче понять — захотел женщину, с мозгами плохо, а этот-то — ну, никакого же смысла?! В какие-то религиозные помыслы, пусть и дьявольские, поверить Эльсан откачивался. Сладострастие своего рода.

Но теперь и сражаться, даже в мыслях, было тяжело. Тело словно вязло в невесомости, и нога, ещё недавно так легко и ловко вытягивавшаяся, пружинила обратно. Смысл пропал. Хотелось, чтобы кадры с террористками, устроившими взрыв рядом с полицейским участком, повторились на экране. Увы, ТВ, всеядное ненасытное чудовище, бежит за всё новой информацией, и уже извиваются водорослями восточные танцовщицы с обнажёнными бёдрами... Странно всё это: восток, нихаб, чадра, паранджа, и в то же время — пупки напоказ? Ах, если бы Лиза выбрала последнее, какой бы царицей была среди этих... Но она выбрала джихад...

— Эльсан, ты плачешь? — из небытия донёсся голос Лизы.

Реальный, тёплый. Эльсан вздрогнул, вскинул веки. И задохнулся от счастья. Так, что она несколько раз резко надавила ему на грудь, и он задышал со смехом.

— Что с тобой? Что?

— Тебя так долго не было.

— Как обычно. На рынок ходила, — она кивком указала на пакет, стоявший у ног. — Тебе больно?

— Мне хорошо. — Он опять не заикался.

Всё-таки Эльсан сделал то, что хотел. Забрал Лизу из ада. Теперь нужно вернуть её на родину. И нога его отсутствующая тому способствует. Она не пожалела детей, семью, но вот его, раненного на поле боя, не оставит. Такой человек — женщина, которой нужна запредельность, существование на грани. Точнее, за гранью.

Утром они успевали: из экономии, да и ради интереса, решили отправиться морским путём. Курс на Одессу — пока надо присмотреться, а потом уже решать — позволительно ли им в Россию?

Пограничный контроль в Турции — никто особо не присматривался: подали поочередно паспорта, отчеканили печати, и вперёд!

Все вывески на корабле были на украинском языке. Но экипаж говорил на русском, и в общей каюте по телевизору шла программа российского ТВ. Как он соскучился по свободной, без акцента и ломки надежей русской речи!

Лайнер отчалил. Турецкий черноморский берег, как отражение, походил на крымский! Движение вод за окном — как движение жизни, куда-то вспять, назад, а надо прорываться вперёд...

Зима в Сибири. На Алтае! Для крымчан, семьи Головина, просто сказка! Причём все: и родственники, и случайные попутчики — в голос говорили: “Что же вы зимой-то приехали? Вы бы летом приезжали — летом у нас такая красота!” Да они живут в лете! А вот зимы такой, с большими сугробами, в которых можно “купаться”, с падающими с небес снежными хлопьями-звёздами, с горами и лыжными трассами, с которых можно целый час катиться, это, увы...

Сергей ходил с санками, в которых лежал укутанный ребёнок, под горой. А девчонки и Ариша катались на горных лыжах. Жена предлагала сместить на вахте:

— Катайтесь, — указывал он наверх, — а мы уж тут с Павлом Сергеевичем!

Ему и впрямь этого было достаточно: семейного счастья — радость детей и жены радовала его больше, чем если бы он получал удовольствие от собственного катания! К тому же Павел Сергеевич был не против, когда папа заходил в тёплое кафе под горой, пропускал, смакуя, стаканчик глинтвейна.

Снова выходил. Висматривал мчащихся по лыжной трассе своих девчонок. Ловил в кадр камеры.

Старшая, Виктория, осталась с бабушкой — готовилась к соревнованиям, а пока были сборы. Ну, и так хватало — дочь Ариши, а теперь, понятно, и его дочь, Ярослава, которую в быту так и звали, полным именем, Алёнка, Селинка! И маленький Пашка!

Ариша с Алёной, Ярославой и Селинкой по часу позанимались у инструктора и держались на лыжах вполне уверенно.

Алёнка неслась во весь опор, широко раскинув руки с лыжными палками. Страшно смотреть. Селинка, тоненькая, изящная, под контролем инструктора, катилась по горе чёткими зигзагами, от одной стороны проложенного спуска к другой. Ярослава скатилась раза два и скоро передислоцировалась к нему. Ей нравилось помогать, ухаживать за братиком, постоянно подтыкала свисавший край одеяла, а то и брала ребёнка на руки. Нравилось быть рядом с папой: само, знать, это чувство, что у неё теперь есть папа. Пашка дрых на горном воздухе, даже и подгузники особо не приходилось менять.

Ариша каталась, как все новички, подавшись вперёд в напряжении, но позиций не сдавала — с вершины и до конца без падений. И если девчонки, подрулив к папе, наперебой кричали: “Как я?! Как я?” — то Ариша, что ему нравилось, была полна самоиронии: “Как корова на льду”. — “Так не падаешь!” — подбадривал муж. “Пару раз нае... Извините, попа болит”!

Местечко называлась “Манжерок” — красота редкая! С одной стороны Чуйского тракта — река Катунь, замёрзшая, подо льдом и снегом, но с огромной польней с течением стремительным и бурным. С другой — горы, покрытые лесом, с устроенными человеком спусками, подъёмниками, многочисленными аттракционами внизу — тут тебе и лошади, и хаски с санками, и снегокаты, и рыбалка на озере зимняя! Только раскошеливайся! Молодцы ребята, кто это придумал и освоил. Не такие уж большие вложения, в сравнении с ценами — со сбором! Главный-то товар расходов не требовал — это природа! Природа особенная, ещё бы сюда море, и полная благодать. Так Сергей подумал и в мыслях осёкся: а ведь возьмут, да и сделают... Перепрудит её, реку, — эко разольётся, а вот этого как раз и не надо!

Здесь, в деревянном тёплом отеле в скандинавском стиле, переночевали, с вечера ещё попарившись в русской бане, с веником. Рванули на Телецкое — Сергей взял в аренду машину, каршеринг, как сейчас говорят.

И скоро пожалел, что поспешил и не взял полный привод. Дорога на Телецкое озеро из Горно-Алтайска напоминал серпантин в Крыму. С той разницей, что здесь было минус двадцать, наледь комочками, несмотря на всю работу грейдеров. Да и расчищенное пространство если и позволяло разъехаться двум машинам, то, что называется, впритирку. А ещё позёмка, которая порой, кажется, сносит машину. Ухайдакался, словом, Серёга за сто семьдесят километров в доску! Зато и улада особенная — добраться, поставить машину в деревенском дворе с поленницей. Хозяйка прямо откуда-то, кажется, из фильмов про тайгу, про Угрюм-реку, дородная, с высоким добром в уголке приоткрытого халата, протянула через порог ключ от отдельного входа:

— Дрова можете брать, там топор, если мельче порубить, мангал у двери, — повела она крутой бровью.

— Вы так говорите, будто знаете, что мы хотим шашлык пожарить? — удивился Сергей.

— Все жарят...

Зайти в тёплый дом, уже не стилизованный, а бревенчатую избу, вполне благоустроенную, с тёплыми службами, с телевизором в полстены и большой тахтой, на которой так удобно развалиться, потянувшись всем телом. И Ариша плохнулась рядом, и дети, неугомонные, давай исследовать все закутки и, уж конечно, мучать телевизионный пульт.

Горный спуск был в пяти километрах от деревни Иогач, расположенной на берегу Телецкого озера.

Серый, дежуря с Пашкой у подножья, так и не дождался, когда Ариша с девочками скатятся. Положил телефон с приготовленной камерой, отправился в кафе, правда, нужно было снова за руль, брал глинтвейн безалкогольный — на травах и меду. Оказалось, здесь только подъём получасовой — околели, рассказали лыжники-крымчане, пока ехали. А спуск столь крутой и теряющийся из виду, что им, чайникам, был не по силам, снова спустились до половины, тогда уж встали на лыжи. Рачительная, как любая здравомыслящая хозяйка, Ариша жалела, что взяли “скипас” на два часа — вышло, по восемьсот рублей с человека за четыре спуска! “Разовые” стоили дешевле. Привыкший вести подсчёты Сергей никак не ожидал, что зимний Алтай по цене получался дороже летнего Крыма. Правда, удовольствие — оно того стоило!

Девчонки были в восторге! Да и фотки на фоне склонов, заснеженного леса получались знатными!

В местечке, где река Бия выпадала из Телецкого озера, зияла громадная полынья. Однако дальше, по льду озера, уходящему за горизонт, всюю носились снегоходы с экскурсионными и развлекательными прогулками. И даже машина шла, “УАЗ”.

Сажать девчонок с чужими дядьками на моторную технику, взывающую и будто отрывающуюся от земли на старте, Сергей не захотел, Аришу — тем более, потому как пассажир вынужден был обхватывать и притискиваться изо всех сил к водителю. А вот на упряжках с хаски — это за милую душу! И хохот, и визг девчачий, и падение в снег — если бы все это происходило с ним, не радовало бы так душу! Он устраивал праздник любимым людям — это было дороже!

Ну и, конечно, вездесущий шашлык на просушенных дровах в морозец распространял особо вьедливый дух — дня через три куртка ещё пахла “мясным дымом”!

Дорога, виражи, напряжение за рулём и, наконец, Чуйский тракт с откатанным шинами до сухости просторным дорожным полотном. Можно было и поддать газку! Ещё раз он по пути понимал, что для него возможные удовольствия — лыжи, коньки, карусели — значат мало. Для него в удовольствие именно работа, возведение объекта. Трудоголик. Ещё скрытый алкоголик — стаканчик глинтвейна, рюмочка водки — даже сама мысль теплит грудь! Но радость семье — это ж больше, чем удовольствие. Смысл.

Для полного уже чувства полноты бытия в Бийске, где родился его отец, зашёл с семейством в Музей Чуйского тракта. Прежде — Краеведческий. Приезжая в Бийск к родственникам, Павел Валерьевич обязательно водил сюда маленького Серёжу и с гордостью показывал фотографию своего деда, которая висела на стене в зале Революции. И теперь Сергей Павлович приготовился так, как некогда отец, подбоченясь, поводя плечам, будто гарцует на коне, показать детям портрет их прапрадеда и рассказать, как командовал предок партизанским полком и устанавливал на Алтае советскую власть. А до того защищал царя и отечество на Германской, где стал кавалером трёх Георгиевских крестов. Получил бы, может, и четвёртый, но в 1916-м был тяжело ранен в руку. Так и водил на гражданской в бой свой партизанский полк с парализованной левой рукой. Но, увы, в музее ныне на месте зала Революции были стенды “Жертвам репрессий” и “7-го отделения ГУЛага”. Оставалось только усмехнуться: прежде изымали из истории одно, теперь другое. Но ведь история — и то, и это! Революционный прадед мог бы угодить и в “жертвы” — в тридцать четвертом его обвинили в принадлежности к левым эсерам. Обычно где-то в кино в подобных ситуациях сюжет разворачивается так, что все вокруг мгновенно отворачиваются не только от того, кого “увели под белы ручки”, но даже от его родственников. Но прадед так был уважаем своими сельчанами, для которых, по прежней довоенной жизни, он оставался редким кузнецом и мастеровитым человеком, — миром собрали обоз продуктов и отвезли за триста вёрст начальнику Семипалатинской тюрьмы. Время было голодное, хозяин отпустил сидельца, уничтожив личное дело. Прадед ушёл в тайгу и ещё годы тихо работал лесником. В жертвах не значился.

Для Ариши и детей залы со стендами интереса не представляли: как в советские времена люди обычно проходили мимо вывесок, так и сейчас посетители задерживались у чучел диких животных и птиц, у выставленных под стеклом минералов, у макета Чуйского тракта с маленькими машинками на трассе, тянущейся к монгольской границе... Детям было интересно — они только что ехали по дороге, которая здесь изображена, и Катунь с белыми снегами, выбивающимися водами в полыньях, а то с голыми льдами неслась рядом...

И в добавление к общему душевному подъёму Сергей встретил одноклассника: когда-то ходили вместе в школу, пока не переехали в Крым, успев прямо под завязку к развалу страны и став гражданами другого государства.

— Серёжа Головин? — окликнул его в зале торгового центра высокий мужчина с военной выправкой и хорошей улыбкой.

Узнать его нетрудно — Толя на голову выше самых рослых в классе. С твёрдостью в лице и такой улыбкой, что глаза прищуривались.

Не сказать, чтобы они дружили в школе: дружили обычно согласно проживанию. А Сергей и Толя жили довольно далеко друг от друга — по тем, понятно, мальчишечьим меркам, когда уже через улицу — другой район.

Но так вдруг обрадовались оба встрече, обнялись, будто разлучённые надолго братья!

Семейство Сергея бродило по многочисленным здесь магазинам, а он “дежурил” с Пашкой в ожидании. И Анатолий ждал своих, похожий на часового: плечистый, рослый, прямой; скоро выяснилось, что одноклассник служил в охранных войсках, куда призывают только статных парней высокого роста.

— Серёж, — появилась Ариша с девочками. — Там кинозал есть, три “Д”. Может, мы с девочками сходим?

— Это я с ребёнком должен ещё два часа тут слоняться?! Берите тогда Пашку!

— Здравствуйте, — заулыбался Толик.

Вопрос решился. Импульсивный друг мгновенно обаял женщину!

Им дальше было по пути. У Головиных обратные билеты — из Новосибирска, а Толя в Новосибирске жил — сюда приезжал к родне.

Так вместе и покатали. Анатолий впереди, на солидном — под стать! — “крузаке”, сплошь заложённом гостинцами, которые увозил он

многочисленным детям родственников, ныне новосибирским студентам, а Серый с семейством на маленьком арендованном “Рио”. Ещё на месте решили завернуть в Полковниково, на родину космонавта Германа Титова.

Сергей помнил, как отец гордился, что ему довелось с космонавтом Германом Степановичем Титовым встречаться и даже работать — ведь Титов после своего героического полёта занимался наукой, руководил разработками космического оружия в СССР и был, по заверению Павла Валерьевича, не номинальным, а настоящим специалистом. Да и человеком оставался скромным. Человеком дела.

В музее — во дворе — были и настоящий реактивный самолёт, на крылья которого дети тотчас залезли, и мама их сфоткала! И настоящий костюм космонавта со скафандром, и космический спутник, и школьные парты, за которыми некогда сидел маленький Герман (отец Сергея часто уверял, что Титов был бы космонавтом номер один, но подкачало имя — как это, первый в мире покоритель космоса, и Герман?!) На месте музея была когда-то школа, где Титов учился, а его отец был директором и преподавателем русского языка. Умел играть на скрипке и так любил творчество Пушкина, что и сына назвал по имени героя “Пиковой дамы” — Германин. Это Сергея как-то удивило: ведь литературный Германин был картёжником, да и жизнь закончил самоубийством... Сергей, скажем, никогда бы не назвал так сына. Но, слава Богу, судьба того Германина, игрока, никак не отозвалась в судьбе Германа-космонавта. В детстве Герман Степанович сочинял стихи, играл в спектаклях драмкружка: на сохранившихся фото красавчик писанный! А стал... лётчиком.

Ариша набрала сувениров — статуэтку, ручки, брелоки, все космического содержания! И служители музея принимали и провожали гостей радушно, как у себя дома, раскланиваясь и приглашая ещё — так на Алтае принимали везде, видя многодетную семью. А когда шли к машинам, навстречу промаршировали кадеты — школьники старших классов. Такие же отличные от современного юношества — крепкие, ясноглазые сибирячки! Будто из прошлого, из военных лет!

А как уж принимала жена Анатолия! Пока гости были в пути — ну, расстаралась! Опять же, будто для родненьких, хотя видела Головина с семьёй впервые!

— Выбирай, что хочешь, — подвёл хозяин к бару с напитками Сергея. — Но у меня есть один серьёзный знакомый, небедный, он говорит: “Я казёнку не пью. Только своё”. Я тоже произвожу. По старинным рецептам.

— Давай неказёнку!

Что же это был за напиток! Павел Валерьевич тоже был признанным специалистом, но Толя превзошёл и его! Хотя, понятно, после зимней дороги с большим семейством на “маломерке”, оно, горячительное, всё было бы за счастье!

Хозяин не пил — в четыре утра надо было отвозить гостей, и он строго, мужественно, накрыл свою рюмочку рукой. А хозяйка поддержала компанию за милую душу!

Поспать пришлось всего часа два с половиной — засиделись долго. Вспоминали, говорили о стране, которая за их век распалась, и какова получается новая. О Крыме, пережившем, не сходя с места, ещё более невероятные перемещения. Узнавали друг друга заново: Анатолий долго жил в Заполярье, где год идёт за два, уже выработал положенный северный стаж. Перебрался южнее, хотя этот юг — Новосибирск. Увлекается плаванием с аквалангом — показывал погружение в морские и океанические воды в разных широтах мира...

Организованный Толя с утра был с иглочки, да и Сергей, несмотря на выпитое и краткий сон, чувствовал лёгкость: что значит Толина неказёнка! А вот детей едва растолкали...

В аэропорту Анатолий помог донести сумки, а потом ещё и, чтобы не тратиться на платную упаковку, всё разместил по большим целлофановым мешкам, приготовленным им загодя, замотал скотчем, быстро, чётко. И на регистрацию.

— Мой юный друг, — чуть склонился Анатолий к молодому человеку за стойкой регистрации, — а что это?

Пассажиры из очереди периодически подходили к располагавшейся в сторонке железной конструкции и засовывали в неё вещи.

— Ограничительная рамка для проверки ручной клади, — отчеканил “юный друг”.

Попрощались, обнялись, пошли. Дети ещё долго оглядывались, махая дяде Толе, большому красивому человеку.

Авиакомпания называлась героически: “Победа”. И семейство Головина шагало на посадку в патетических чувствах. Несли в душах Алтай — о красотах и говорить не приходится, понятно. Люди в Сибири — просто вдох жизни, сил! Одноклассник — как брат!

Приблизились к очередной стойке регистрации, за которой уже выход к самолёту, в уверенности, что у них всё в порядке с ручной кладью — на шестерых по месту (при этом за вещи, сданные в багаж, пришлось доплатить пять тысяч рублей). Протянули посадочные талоны, одна сотрудница оторвала корешки, вернула билеты, было, Сергею, но другая, остроклювая такая, выскочила из-за стойки и закрыла путь: “А сколько у вас тут сумок?!” Какое-то словно обточенное лицо!

Пашка не мог нести сумку, более того, старшим сестрам приходилось им заниматься, поэтому Серый был обвешан тройной поклажей. На выходе тоже стояла рогулька для проверки габаритов ручной клади. Что-то тридцать на тридцать с небольшим. Засунул одну сумку, вторую — всё нормально. А при третьей чуть не закрывалась крышка этого измерительного прибора. “Платите три тысячи!” — каким-то гестаповским тоном вскрикнула бабёнка — молодая ещё женщина, чуть за тридцать. “Там лыжная каска, головной убор”, — нашёлся Сергей. “Вытаскивайте, надевайте!” Головин вытащил, полагая, что команда надевать — это всё-таки не всерьёз. “Надевайте! Иначе это ручная кладь. Платите три тысячи!” Он нацепил на голову горнолыжный шлем. Крышка измерителя теперь захлопнулась. “А это что у вас за пакет?” — “Здесь горшок, для ребёнка”, — объяснила жена. “Вытаскивайте! Пакет положите в сумку, или платите три тысячи!” Серый вытащил горшок, поинтересовавшись: “Его тоже на голову надеть?” Да и устроил на голове Селинки, как шляпку. Сделал это, конечно, зря. Бабёнка просто взвилась: “А что это за пакет?” — “Продукты, у вас же не кормят”. — “Это седьмое место, платите три тысячи!” Он схватил пакет и отставил в сторонку, к стене. И, казалось бы, можно было пропускать. Но цепкий глаз контролёрши увидел в руках у Пашки детскую лопатку — сувенирная, с изображением гор Алтай. Он облюбовал её в Манжероке и повсюду потом кидал снег. “А это тоже ручная кладь! Платите три тыщи!” — “Так это же шестое место!” — вдруг сообразил Сергей, что уже отказался от одного пакета, второй убрали, а горшок держит Селинка, и он не в счёт. “Седьмое!” — ткнула бдительная стражница в тощенькую сумку на плече Головина, директора крымской строительной компании, многолетнего отца — ноутбук, лежащий в чехле. “Этот компьютер!” — возопил он, помня, что ноутбук не считается ручной кладью по регламенту “Победы”. “Не кричите, а то я вас вообще сниму с рейса”. Сомнений не было: может! Однако аргумент его приняла. Но... стражница была ас в своём деле. “Она (детская лопатка) — не габарит! Платите три тысячи!” Можно было и не измерять, чтобы понять — тощий черенок на три-четыре сантиметра не влезет в “рогульку”. Пришлось отставить и лопатку. Почти все пассажиры уже прошли к самолёту, времени соображать было мало, и семейство ринулись к трапу. Только в самолёте Серый понял, что продукты можно было забрать, ведь ноутбук был не в счёт, лопатку отставил: реально у них оставалось пять мест на шестерых. Справедливости ради надо сказать, что не все в компании одним миром мазаны. Дежурная у трапа, увидев многодетное семейство, позвала пройти вне очереди. И далее бортпроводницы были вполне обходительны. Хотя работа у них относительная — даже на продолжительных рейсах “Победы” не кормят. Лишь пластиковые стаканчики с водой стоят на полке в отсеке за туалетом. Также

можно предположить, что компания готовит своих служащих с разной психологической направленностью. Услужливых, злых, нейтральных.

Чья это “победа” и кто победил, когда, вроде бы, в “заботе” о людях с умеренным достатком объявляются невысокие цены, а в результате проводят человека через систему унижения. Да и “бабло” сшибают на своих “санкциях” немалое! Жалко было веру: когда Крым вернулся в Россию, и у него, и всего его окружения абсолютная вера была, что теперь они на родине, здесь никогда никто из них не будет человеком второго сорта. И вот остро чувствовал это отношение: народ — быдло, он, уважаемый где-то Сергей Павлович Головин и его семейство, к быдлу принадлежат. Впрочем, тогда и к народу.

По прилёту было обнаружено, что в пакете с продуктами, заботливо приготовленными женой одноклассника Толи, остались и сувениры из музея Германа Титова. Так что не только лопатка с изображением гор Алтая не долетела до Симферополя, но и часы с фотографией космонавта, и маленькая скульптура космической ракеты.

Утром, приехав на строительную площадку раним-рано, Сергей встал на колени перед морем на высоком берегу, припал лбом, а потом и щекой к крымской земле, ставшей для него роднее родной. Хорошо в гостях, а дома лучше!

И с таким же радостным чувством он узнал, что жена Ариша, вопреки всем козням и “победным” злопыханиям, позвонила в музей Титова на Алтае и попросила выслать сувениры, которые по порядку назвала, и уже перечислила деньги. Так было правильно.

Всё время путешествия они жили вне “ящика” и пропустили, что буквально накануне случился пожар в торговом центре на Алтае. Ариша даже вскрикнула, узнав: ей показалось, что это тот самый торговый и развлекательный центр, где были с детьми и чуть было не пошли в кинозал, выходит, тогда же и сгоревший. А Сергея поразило другое: по телевизору не раз давали запись с голосом и показывали фотографию некоего “пранкера”, который позвонил в морг и дал дезинформацию по количеству погибших. По голосу было понятно — делал он это с удовольствием, красивым “радийным” хорошо знакомому Головину баритоном. Это был “Насмешник”, который разыгрывал Лизу разговорами о магометанстве и доводил до бешенства парней-мусульман. Всё насмешничает, разводит и ссорит... Теперь его фото было на экране. Это не Идрис.

Сгоревшее здание по типу и расположению было очень похожим на то, где они повстречали одноклассника. Но оказалось, что находилось в другом, соседнем сибирском городе. Осталось понимание близости всего происходящего. Неустойчивости мира.

— Почему его не убьют? — проговорил гость из Донбасса, муж погибшей дочки Петра Николаевича.

Он приехал накануне, его ждали — Евдокия Семёновна приготовила стол, — сидели тихо, приглядывались, прилаживались друг к другу. Обедали. Уж знает она, что не надо, когда за столом, смотреть новости. Но как-то не доглядела. Прошло сообщение о большом пожаре в развлекательном центре сибирского города. Погибло много людей. Ну, какая еда? А следом показали бородатого чернявого толстого парня, который из людского горя устраивал издёвку, да всё ещё смешливым масляным голосом.

Зять Петра — Илья — смотрел мрачно на экран. Лицо худое, заострённое. Кажется нерусским. Евдокия и прежде подозревала, что он вовсе не строитель в Ростове, а... воюет.

— Он звонил нашим ребятам, в Донецке, разыгрывал их. И ведь как? Православным говорил, что у них Бог... матом прямо. Мы... Ребята сначала думали, что это из мусульман кто-то, есть же фанатики. Стали в интернете смотреть, а у него там куча записей, где он с мусульманами так же. И ведь имена всех знает, кому звонит, люди поэтому и покупаются... Даже имена матерей... ну, и про матерей...

— Тебе звонил? — спросил Пётр Николаевич.

— Нет... — Илья вдруг осознал, что он “раскрылся”. — Я же в Ростове работаю. А он звонил ополченцам...

По ТВ прошло сообщение, что Насмешник живёт в Киеве и оттуда ведёт свою деятельность.

— Ваши же всё съели...

— Ну, православные — отходчивые. Вгорячах готовы голову оторвать, а прошёл день — уже и ладно. Мусульманам удивляюсь — у них же кровавая месть и всякое такое...

— Так, а при чём здесь кровавая? — встряла Евдокия Семёновна. — Он же не убивал никого.

— Оскорблял...

— Знаешь, как говорится, хоть горшком назови, лишь в печь не клади. А ты сам-то не из мусульман? — присмотрелась хозяйка.

— Я русский. Но есть евреи в крови.

— Его друзья “Шолом” зовут, — пояснил Пётр.

— Шолом? Шолом! — всплеснула руками Евдокия. — Что вы мне сказки-то рассказываете? Нашли дурочку! Я ж тебя по телевизору видела, так и запомнила, позывной — “Шолом”. С автоматом, в гранатах весь, в каске.

Илья помолчал.

— Это другой “Шолом”. В каске все на одно лицо...

— Ну, другой, так другой... Да ешьте вы, выпейте вон, катастрофы-то, их теперь, не пересмотришь...

По ТВ пошла реклама — громкая, про банк, который нужно грабить, поедая шоколад. На кухню зашла семилетняя Оля, ткнулась головой в плечо отца. Илья взял её, как маленькую, на руки. Погладил по голове, вздохнул.

Евдокия Семёновна стала менять посуду на столе, ставя горячее и убирая в раковину грязную. Оля тотчас вскочила помогать.

— И так всегда, — умилилась баба Дуся. — Ни просить не надо, ни приказывать.

Родные внучки ничего подобного не делали. Евдокия тоже погладила ребёнка, всхлипнув. Чужой девочке она заменила и мать, и бабушку. И Оленька для бабы Дуся становилась как дочь, которой в свою бабыю бытность так и не дождалась.

Пришвартовался паром в Черноморском порту близ Одессы. Лиза, заполняя таможенную декларацию, в графе “гражданство” (“громадянство”) написала “Украина”, как оно и было. Эльсан понимал, напиши он “Россия”, при этом указав постоянное место жительства “Крым”, могут возникнуть проблемы. Загранпаспорт у него был ещё украинского образца. Слукавить легко. Но не по сердцу. “Российская Федерация”, — вывел буквы красивым почерком.

Пограничный контролёр посмотрел внимательно на Эльсана, опустил глаза к паспорту. Чеченец чуть усмехнулся, вспомнив кадр из фильма “Афоня”, где милиционер, сличая подлинник и лицо на фото, нашёл их непохожими. Афоне пришлось улыбнуться, чтобы стать похожим на себя прежнего. Улыбнулся и Эльсан. Пограничник ещё раз пристально посмотрел на него, приподнялся, глянув через стойку на костыли.

— Что ж вы так туда торопитесь? — спросил чисто по-русски.

Эльсан понял, о чём он.

— Я не шахид, — сказал Чеченец правду. — На машине перевернулся.

— Ну, ну. Вон таких, как ты, ждут.

— Кто это?

— Работёнку предлагают.

— Это бы хорошо!

— Гарно!

Про сыр в мышеловке — это он всё хорошо понимал. А что делать в его положении? Их везли на хорошей машине, явно не заботясь о правилах движения. Хозяева! Только кто? Эльсан приглядывался к лицам водителя и сопровождающего — штамповка спецслужб проглядывалась чётко. Словно

рифлёные, с неизменно праведным налётом. Но такими сейчас могут быть и террористы, и бандиты, и сотрудники госорганов — все из одной конторы. Хотя нет, террористы скоро становятся диковатыми, с повадками хищника, даже если позади университеты и учёные степени.

— СБУ? — прямо поинтересовался Эльсан.

— Старшие товарищи всё разъяснят.

Вот, пожалуйста, Украина, новое демократическое государство, а терминология — советская.

“Старший товарищ” как раз не походил на классического сотрудника — молодой, подвижный спортивный парень с неожиданным чубом, свисающим с темечка на лоб, как у запорожских казаков.

— Будь ласка, — обратился он к Лизе, укутанной в хиджаб, подвинув удобнее стул.

Эльсан был поражён: почти все дни, как он её встретил, Лиза была словно угнетена. Ровна, задумчива и безответна. Чеченец даже полагал, что в ней происходит внутренняя работа, ведущая к пониманию того, что избранный путь — несправедлив. Просто обман, свершившийся по воле другого.

Но теперь видел — рядом с очень красивым и уверенным парнем, предлагавшим открыто авантюру — стать шпионкой, заниматься подрывной деятельностью, — Лиза пламенела, и глаза её ширились в какой-то странной вере. Жажде жертвенности? Ей, очевидно, хотелось — за грань!

Чубастый вербовщик обращался только к женщине, а ему, мужчине-инвалиду, уделял лишь короткие взгляды, будто они заведомо единомышленники. И так улыбался, и был азартен, что на мгновение Эльсану показалось будто перед ним — тот самый зловещий Идрис, переодетый и отпущивший чуб на манер запорожского казака. Иблис — дьявол, меняющий обличье, но верный своей соблазняющей сути.

Лиза подписывала документы, не читая, на веру. “Иблис” подsunул бумаги и Эльсану. Протянул ручку. Первым движением было — подписать вслед за Лизой. В школе он любил литературу и хорошо помнил, как его возмущал младший сын Тараса Бульбы Андрий, который из-за красивой полячки предал воинское товарищество, отца и отечество. И вот он, Эльсан Исламов, готов к тому же. Рука сама отдёрнулась от ручки, как от протянутого бесчестия.

— Нет, — прошептал Чеченец.

— Ты же в украинской армии служил, присягу давал.

— Я родился в СССР. Вступал в пионеры, давал присягу горячо любить свою родину. Мы один народ.

— Какой один? Ты же вообще чеченец?

— В Советском Союзе нерусские были самыми русскими, так сказала мне женщина на коне. На моих глазах она положила два десятка ваххабитов. Они не были на самом деле ваххабитами, не были джихадистами. Они искали обещанный коммунизм.

— Как это — коммунизм? — опешил “иблис”.

— Общество, где не будет греха. Рай.

— А твой рай, как я понимаю, она? Что бы она ни делала — она безгрешна?

— Тебя не Идрисом зовут?

Как Лиза взглянула на этого парня, дознавателя! Вспыхнул! И ведь действительно, похож. Зачем только Эльсан о нём вспомнил?

И хлопчик интригуяще рассмеялся, тряхнув чубом.

— Выбора у нас с тобой нет. Ты же не захочешь остаться без неё?

— Он не сдаст, — произнесла Лиза с той непререкаемой ноткой, которая иногда твёрдо прорезалась в её ласковом голосе.

Вербовщик перевёл взгляд с одного на другого, как бы дружелюбно улыбаясь, обращаясь к Эльсану:

— Попался ты, парень, по самое некуда.

— Слушай! Что она тебе такого особенного сообщить может? Что она, — Эльсан говорил без запинки, — на военный завод пойдёт работать? Или во флот? Она интернетовский житель!

— Вот, вот, — радовался вербовщик. — Это и хорошо. Пусть выкладывает фото истинного положения народа в Крыму! Люди же доведены до нищеты, рабочие бастуют, студенты выходят на демонстрации! Татарское население создаёт вооружённые отряды!

— Т-ты с-сам-то, — опять зазнобило Эльсана, — веришь в то, что говоришь?

— Информационную войну ещё никто не отменял, — чубастому было весело.

— Это не информационная. Это дезинформационная. А правда всё равно победит.

— В сказках, герой, в сказках. С тебя и начнём: крымский татарин Эльсан Исламов потерял ногу в борьбе с режимом...

— Не смей, слышишь...

— Не трогай его. Я буду заниматься хиджамой.

— Кровопусканием?

— Хиджамой по Сунне. — Уточнила Лиза. — Во время битвы при Хайбаре одна иудейская женщина положила в мясо яд и угостила этим мясом посланника Аллаха, мир ему и благословение. После этого Пророк, мир ему и благословение, очистил кровь с помощью хиджамы. Посланник Аллаха, мир ему и благословение, не раз прибегал к хиджаме.

— Отличная идея. Будешь выпускать дурную кровь и вести беседы...

— Я буду обращать людей в Ислам.

— К-как Идрис, — не удержался Эльсан.

— Да что ты заладил! Кто такой Идрис?! — раздражённо спросил Чубастый.

— Пророк, да будет доволен им Аллах, — пояснила Лиза, — он жил много веков назад и знал семьдесят языков...

У них был свой офис. Прямо в Симферопольском торговом центре. Довольно большая комната с маленьким отсеком, где лечащиеся могли переодеться, а также отдохнуть и выпить кофе они, целители. Эльсан так называть себя и в мыслях не мог, но как спортсмен он видел профессиональных массажистов, самому приходилось делать массаж, поэтому скоро овладел искусством хиджамы. Женщинам хиджаму делала Лиза, а мужчинам — Эльсан.

Но что — он?! Эльсан иногда подглядывал в створку ширмы, как работает Лиза. Впрочем, её звали уже не Лиза, а Эльмира. Эльмира колдовала. Она мягко, почти не касаясь, натирала тело человека маслом тмина. И тонкими маленькими лезвиями надрезы делала так быстро и легко, будто касалась полотна кисточкой. Женщина под её колдовством даже не вздрагивала, не напрягалась, а, наоборот, словно растекалась, размягчалась. Столь же ловко ставила вакуумную баночку, кожа мгновенно вздувалась шаром, и баночка начинала наполняться кровью. У русских тоже было кровопускание — ставили пиявки. Сосед, называя себя гирудотерапевтом, делал процедуру на дому, Эльсан прибегал к ним, и “пустые”, словно просвечивающие, пиявки, как баночки, наполнялись кровью. Гирудотерапевт успевал схватить набухшую, готовую отвалиться пиявку, дабы она не упала, и пациент не раздавил её, перепачкавшись грязной кровью. А баночки тоже надо было вовремя, умело снять, чтобы плохая кровь осталась в ёмкости, а не разлилась по телу.

Лиза-Эльмира нежно стирала остатки сырости на ровных красных “блинах” по телу, и маленький Чеченец думал: хорошо, что она не делает хиджаму мужчинам, иначе бы все они толпились гуртом, желая повторить процедуру снова и снова.

Единственным мужчиной, которому Эльмира делала хиджаму, был он, Эльсан Исламов. И он намазывал ей тело, делал надрезы, каждый раз испытывая содрогание сердца, и ставил баночки, видя вздувающуюся шарами кожу и поднимающуюся в ёмкостях кровь.

Он называл её сестрой, она его — братом.

И всё было бы хорошо, и можно было бы жить счастливо, если бы в кабинете не стояли пишущие устройства. Что такого особенного могли сказать люди, пришедшие за здоровьем? Но некоторых тянуло за язык: если

девяносто семь “за”, а трое “против”, то всегда можно представить публике только этих трёх, и тогда “все сто” — против. Особенно, если эти трое — заранее “заряженные” особи.

И вот стоило какому-то деду пороптать, как спустя день-другой на канале Киевского ТВ прошёл сюжет. Они бы про него и не знали — не смотрели они ТВ, — но приехала гостя. Эльсан не раз встречал её в Феодосии — не запомнить её было нельзя, — знал, что в судьбе Лизы она сыграла какую-то важную и, как он понимал, зловещую роль. И вот эта женщина, смуглая, со строгими чертами, в хиджабе, прокрутила ролик, где сутуловатый, с выпирающимися ключицами смуглый, словно прокопченный, старик жаловался на власть. Эльсан сразу вспомнил его.

— Они дорога строят! — ещё раздеваясь, возмутился старик. — А экологий нарушается. У меня сто семьдесят баран, я где баран пасти буду? На дорога?!

Эльсана ещё тогда очень удивило: спора быть не может, дорога нужна! Земли для пастбищ в Крыму найдутся. Эльсан сказал об этом старику: деликатно так, не настаивая.

— Нужен дорога, строй там, где был. Не хочешь там, спроси меня? Коренной населений спроси!

Удивило также то, что обычно татары старшего возраста, родившиеся и выросшие в СССР, хорошо говорят по-русски. Этот же путал род и падежи.

Дед говорил на видео, а на его фоне мелькал в кадре Эльсан, готовившийся к процедуре. После ролика выступал руководитель запрещённого в Крыму меджлиса, развивая старую тему о гонениях крымских татар...

— Ты разве это искала? — произнесла она каркающими интонациями. — Быть пешкой дешёвой политики?

Лиза опустила голову.

— Разве ты хочешь, чтобы татары были против русских, русские против украинцев, украинцы против евреев, и всё это по кругу?! Разве об этом ты молишь Аллаха?!

— Души шахидов плачут обо мне, — подняла голову Лиза. — Я искала джихада.

Они ушли. Чёрная женщина оглянулась напоследок:

— Уходи. — Бросила коротко. — Здесь с минуты на минуту будет ФСБ.

— У меня клиенты в записи, как я могу...

Она чуть сузила глаза, усмехнулась, не усмехнулась — не разобрать. Так, выдохнула коротко тонким носом.

Эльсан подумал, надо ли найти и убрать прослушки, или лучше ничего не трогать. Будто не знал. Рука сама потянулась к давно отмеченному глазку видеокамеры. Чеканные ребята нагрянули без стука и как-то сразу заполнили кабинет. Скоро, будто всё заранее знали, нашли “жучки” там, где Эльсан и не подозревал.

Хорошо, что не было Лизы. Уже в отделе ему прокрутили знакомый ролик.

— Ты мусульманин? — спросил дознаватель.

— Мусульманин, — ответил Эльсан.

— И я мусульманин. Крымский татарин. Где ты видишь гонения?

— Какие гонения? — проворчал Эльсан. — Половина прежнего меджлиса в правительстве Крыма!

Дознаватель внимательно на него посмотрел, чуть искоса.

— Так и зачем ты снимал? Зачем запись предоставил в Киев? Денег охота?!

Эльсан долго молчал. Что сказать? Ну, что сказать?!

Задержанного продержали в отделе сутки, потом, видимо, решили, что на свободе он нужнее. Контакты, связи. Эльмира, которую они знали по этому имени и могли выследить её через Эльсана Исламова.

Он продолжил свою работу, которая ему нравилась. Со всей очевидностью, людям, страдающим недугом, становилось лучше. Согбенные распрямлялись, очищалась кожа у шелудивых, прекращались головные боли.

На голову, по примеру Пророка, он делал себе хиджаму сам. Да, оставались прослушки, которые теперь информировали как украинские спецслужбы, так и российские. Людей, явившихся на лечение, Эльсан предупреждал:

— Никаких разговоров о постороннем. Читайте молитвы. Как хотите, мысленно, можно вслух. Если нет веры, думайте о благе ближних.

Так он говорил каждому, невзирая, к какой конфессии принадлежит человек. Популярность хиджамы росла, славян среди посетителей становилось всё больше и, конечно, при желании, было бы удобно приводить их в магометанство. Ему это и в голову не приходило.

С чужих, не прослушиваемых телефонов, спросив где-нибудь на улице, он пытался позвонить Лизе. Недоступна!

На вокзале, в автоматической камере хранения у Лизы был тайничок: тетрадь со своими записями, рисунки, флешка. Эльсан решил проверить, там ли всё? Но как? Пойти самому — навести на след. Помотался возле вокзала, решая.

— Брат, не добавишь, двадцать рублей не хватает? — обратился мужик с пропитым лицом.

— Добавлю. — Эльсан исполнил просьбу.

Встретиться договорились в “Пельменной”: здесь она была недалеко от вокзала, на старьё, ещё советский манер — пельмени со сметаной, пельмени с маслом. И уксус на столиках.

Побирушка скоро вернулся. Эльсан пельмени ему заранее взял, сто грамм, как положено. Забрал тетрадь с флешкой. И уж собрался:

— А это? — “оживший” вмиг мужик протянул левой рукой пакет.

Эльсан заглянул внутрь. Аккуратно уложенный... пояс шахида.

— Я взрывать ничё не буду. Ни за какие бабки. — Мужик смотрел уже твёрдо, снисходительно. Принципиально.

Брать и входить с таким “подарком” было нельзя.

— А ты можешь обратно отнести, только в другую ячейку?

— Заряжай, — мужик потёр три пальца друг о друга и протянул ладонь.

— В другую ячейку, понял? И закрой, — хотелось уйти, не дожидаясь. Дальше, дальше! Протез ему Лиза заказывала, не скупясь, он ходил, прихрамывая, но довольно быстро.

Остановился, пошёл следом за побирушкой. Был насторожен: а как же тот пройдёт — у входа в привокзальные камеры хранения стоял охранник с металлоискателем. А как вышел? Может, это вовсе и не побирушка, а “подстава”, и Эльсан шагает за фэсбэшником?

Охранник, проверявший каждого, на мужика не обратил внимания. А Эльсана всего огладил чёрным прибором-палкой, заставив вытащить из кармана телефон, ключи и показать звенящий протез.

— Как лицо к-кавказской национальности, — решил проверить Чеченец, — так сразу тормозить, а вон славянской наружности пошёл, так его ни-ни...

— Да он тут днюет и ночует... Ему бы только, — ткнул охраннику двумя пальцами себе в шею.

Мужик отработал честно. Сунул пакет с поклажей совсем в другом ряду, чем лежал прежде.

Эльсан глянул по сторонам. Показалось, юная девушка как-то спешно отвела взгляд. Мало ли, конечно, на то она и девушка, чтобы глаза прятать. Но к новому знакомому не приблизился. Как бы нечаянно уронил сотенную, проходя мимо. А на девушку всё поглядывал, мало ли, понравилась?

Он и прежде, как уехала Лиза и не вспоминала о нём, спал плохо. А сейчас и вовсе глаз не смыкал. Что же она готовила? И не потому ли офис у них в торговом центре, что здесь много людей, и устроить теракт — это... подумать страшно! Или там же, на вокзале? А как она пакет с устройством пронесла? Или кто-то пронёс за неё? Но как?!

Но если пакет с поясом-взрывчаткой уже там, то, скорее всего, его можно привести в действие и на расстоянии? Взорвать камеры хранения — людей там помногу не бывает, а вещи взрывать — какой для них смысл? Раз

пояс шахида, значит, должен быть смертник. Сообщить в полицию? Лизу сразу определяют в террористы. Обезвредить, вытащить взрыватель... Не специалист. Залез в интернет, стал изучать вопрос. Всё было в этой вселенской паутине.

Оставалось теперь открыть ячейку. Не спросил он у пьянчуги код, не подумал. Походил вокруг, надеясь встретить бомжа. А что его встречать, тот что, код запоминал или записывал? Сунул пакет, крутанул колесики, и был таков! Примерился — обычно люди свой день рождения набирают, но здесь это не катит. На слух, по щелчкам, как специалисты открывают сейфы?

— Ты чего тут трёшься? — смотрел на него охранник.

— Да код з-з-забыл...

— А какая ячейка?

— То ли эта, то ли эта? — менее всего хотелось, чтобы ячейку открыл охранник.

— Воевал? — кивнул он на ногу.

— Так, ав-вария.

— И контуженный?

— Есть н-немного.

— Вспоминай.

Как окатило.

Пошёл на выход. Вспоминать.

— Брат, добавишь... — шагнул навстречу знакомый побирuşка.

Эльсан с готовностью полез в карман.

— Помнишь код у ячейки?

Бомж явно не понимал.

— Ну, я тебя просил туда пакет спрятать. С-с-с б-бронезилетом.

— А-а... Подорваться будешь?

— Да нет, об-безвредить хочу. Чтoб никто не в-взорвался. Помнишь код?

— Я его оттуда давно вытащил.

Эльсан помолчал, посмотрел внимательно.

— И где он?

— Продал. Теперь вот похмелье...

— Кому п-п-родал?!

— Кому... Таким, как ты. Террористам.

— Я не террорист!

— Чё тебе надо?! Давай сначала на пиво.

Эльсан терпеливо ждал, стоя за высоким столиком в пельменной, пока парень с наслаждением цедил пиво.

— Пельмени давай... И себе возьми, а то ты смотришь, у меня в горле застревает.

Как не выполнить?

— Со свининой, наверное? — Эльсан замедлился вилокoй перед своей порцией.

— Да ладно тебе. Раньше всё ели, не спрашивали. И вдруг набожными все стали! А жизнь что, лучше стала? Ближе к Богу?

Эльсан подумал и стал есть: Пророк из реальности исходил. В тёплом климате жил, где свинина портится быстро, а баранина — нет. Жил бы на Севере, где с пастбищами напряжёнка, иное отношение было бы... Но теперь и жара — не проблема. Холодильники!

— Что же ты пояс продал? Раз о жизни думаешь?

— Кому надо взорвать, всё равно взорвут. Я бандитам продал. Они хороших людей взрывать не станут. Таких же, как сами.

— К-как их найти?

— Оставь. И не рыпайся. Обложат данью, век не расплатишься.

Странно. Но Попрошайка действовал как-то успокаивающе. Так они и вышли вместе из пельменной — сытые, размякшие.

“Крузак” резко тормознул, свернув к обочине. Выскочил бритоголовый, с плечами от ушей — в девяностых было таких пруд пруди, сейчас, как ископаемые, но есть.

— Ты шо нам фуфло прогнал? — “наехал” он на бомжа.

— Не понял.

— Ты шо всучил?

— Пояс шахида.

Парень схватил с заднего сиденья автомобиля знакомый пакет, со всего маху, сопровождая матом, ударил им несколько раз Побирושку.

— Бабло вертай...

— Так уже...

Пакет со “взрывчаткой” полетел в бомжа. Парень словно только заметил рядом с ним “кавказца”.

— Это вот его! — опомнился и Побирושка, подбирая добро.

Бритоголовый, сузив глаза, внимательно посмотрел на Эльсана.

— Ты ему велел нам задвинуть?

— Нет, я его п-просил спрятать.

— Хрена там прятать?! Это же муляж! Пробка с цацками!

Видно, у “кавказца” был такой остолбенелый вид, что парень больше ничего не стал выяснять. Хлопнул дверцей машины и умчался. Теперь Эльсан рассмотрел пояс, потрогал, помял в руках.

Стало доходить. Лиза и её друзья ему специально подсунули “куклу”, чтобы оттянуть время. Пока он занимался мнимым поясом, где-то был настоящий, и теракт готовился. Если уже не свершился. Эльсан срочно открыл интернет в телефоне, чтобы посмотреть новости.

Теракт осуществился. Самолёт с артистами, взлетев в Сочи, тут же упал в море, переломившись на две части у самой воды. Предварительная версия звучала так: пилоты не справились с управлением, и лайнер, зацепившись хвостом за воду, развалился. Оно бы легко поверить, но путь артисты держали в Сирию для концертов перед войнами и местным населением. И теракт, понятно, в данном случае, да ещё в самолёте, принадлежавшем Минобороны, становился актом серьёзного устрашения. Власть этого не признает, потому как допустить проникновение террористов на борт армейского лайнера — это двойной позор.

Эльсан выстраивал версию. Лизу для этого и увезли: влиться в коллектив артистов ей ничего не стоило!

Журналисты сообщали, что в сочинском аэропорту, где дозавлялся самолёт, артисты весело отдыхали. Веселились наверняка и сопровождающие. Эльсану так и виделось, как Лиза, поверх хиджаба надев цветастый платок, беспрепятственно вошла в VIP-зал, пронося под широким русским сарафаном смертоносный заряд.

Нет, нет, нет, сестра, нет! Он тряс головой, спасаясь от наваждения, но картина лишь получала развитие: Лиза заходила в самолёт и спокойно, счастливо нажимала положенную кнопку... Или кто-то, находящийся далеко, делал простой звонок по телефону... Надо искать этого кого-то, он знает всё! Но также возможно, что самолёт действительно зацепился хвостом, Лиза ни при чём, где-то жива и здорова?.. Помогает людям, занимаясь хиджамой? Где? Если так, то в Феодосии!

Евдокия Семёновна увидела в экранчик, который Сергей поставил в углу на кухне, двух мужчин у ворот. С той поры как сын устроил видеонаблюдение, она меньше смотрела телевизор, наблюдая за движением по улице. Правда, самой частой картинкой на экране был решительный облик Марка Самуиловича, который в мыслях крушил политических противников. Было удобно: Семёновна часто пряталась в ванну, включала воду и пережидала, когда он покричит, позовёт, да и отчалит. А потом, смеясь, смотрела, как старый баламут уходит, к кому-то зывая руками. Но чаще в это окошко она заглядывала в ожидании сына. Стал он редким гостем. Что ж, значит, всё там у них хорошо. Было бы худо, не забывал бы мать. Так люди устроены.

На этот раз в кадре были незнакомые мужчины в хороших костюмах. Чинный вид их и каменные лица ничего хорошего не предвещали. Налоговики какие-нибудь. Вулкан зашёлся в лае — не понравились гости.

Евдокия Семёновна выбежала навстречу.

— Здравствуйте, здравствуйте, — говорила она очень радушно, чуть кланялась.

Один был здоровый, с бульдожьей шеей. Другой худой, со впалыми щеками и воспалёнными глазницами. Чисто с того света.

— Здравствуйте. Невестка ваша дома? — спросил последний.

Евдокия не стала говорить, что невестка и сын живут в другом месте, построили дом. Зачем, раз не знают?

— На работе, на работе.

— На работе? Разве она работает? — удивился “бульдог”.

— А как же? Ребёнок у них в яслях.

Гости переглянулись.

— Жена — Елизавета Альбертовна?

Евдокия Семёновна растерялась на миг, и даже не потому, что речь шла о Лизе, которой давно след простыл, а потому, что Лиза — Альбертовна. Она и не знала, как её по батюшке. То есть когда-то, конечно, знала, но совсем запамятовала.

— Господи... — отлегло от сердца. — Да у сына давно другая жена, у меня другая невестка.

— И всё-таки? Бывшая невестка к вам приходила?

— Да зачем она придёт?! Детей никто ей не отдаст! Придёт, так вон укажу, от ворот поворот!

— А вы не догадываетесь, зачем она может прийти?

— Зачем?

— Она связана с террористической организацией. По нашим сведениям, готовится теракт с её участием. — Это худой говорил. И так говорил, что от одного тона делалось страшно.

— Тётка, ты хоть догоняешь, — постучал себя по темечку здоровяк, — что она может убить своих детей?!

— Лиза?! Детей?! Ну, уж какая бы она ни была, мусульманка там или кто, но чтоб детей — никогда! Она мухи не обидит...

— Подумайте. Она зомби. Иначе будет поздно.

И так в коленях заглодало. Полетела прямо вниз, да кубарем.

— Да что ж такое-то, что делается, что с людьми делают...

Проводила гостей. Вернулась. Уставилась в окошечко видеонаблюдения, не сводя глаз. Как на грех, шагал Марк Самуилович, уже что-то кому-то доказывая. Евдокия юркнула в ванную.

— Они предлагают электронное обучение в школах, вузах, работу в удалённом доступе! — влетел Самуилович. — Это мало того, что полный контроль над всем и над каждым, это тиражирование форматированного сознания. Подготовка кадров с узкой специализацией. Евдокия Семёновна! Что ты там сидишь, в ванной?! Прячешь голову в песок! Павел Валерьевич, Паша, друг мой сердечный, — Самуилович явно всплакнул. Но был суров: — Прятал голову в песок, и допратался!

— Ты мне Павла Валерьевича худым словом не поминай!

— Ты вдумайся, что это такое — форматированное мировоззрение?! — Но всё из его уст звучало смешно: “фогматигованное миговохгение”. Ещё и расшифруй, попробуй!

— Ну, давай, возьмём флаг и пойдём протестовать. Дураки дураками!

Марк Самуилович враз сник. Присел на стул.

— Не достучаться...

Евдокия набрала номер телефона сына. Рассказала о недавних гостях. Об их предупреждении. Заплакала.

— Я понял, понял, мам, — и “отключился”.

— Что ты понял?! Ты ничего не понял, ты же не слушаешь, что я говорю! — рыдала Евдокия Семёновна перед оглохшей трубкой. — Она детей убить хочет!!!

“Встретимся в Раю”, — получил Эльсан эсэмэску. По рукам потёк озноб. Значит, она решила. Или — решили за неё, а она приняла это страшное

решение. Было жутко, но вдруг неожиданно было и счастливо. Это ведь она с ним хотела встретиться в Раю! Он — часть её Рая?!

Эльсан готов был встретиться в Раю, где угодно, но надо было что-то делать, спастись, и встретиться здесь, на земле, как в раю.

Он поспешил к интернету — там живёт этот спирт, распорядившийся её жизнью. Эльсан листал странички блога и скоро увидел текст, написанный Лизой. Она не скрывалась под чужим именем, обращалась под своим, хотела найти поддержку. Писала:

“Меня мучает иблис. Он заставляет меня хотеть жить. Цепляться за всё это видимое, убогое. Он заставляет жалеть деток, будто их жизнь здесь может иметь смысл. Я должна это сделать, должна его победить, спасти себя и деток, очистить себя и помочь очиститься им. Помогите мне, дайте силы”, — обращалась она, видно, уже и не к Аллаху, а к тому, кто был реальным властителем её сердца.

Ответ его был прост: “Встретимся в Раю”. Никакого иного выбора он ей не оставлял. Так написал он, а Лиза вспомнила об Эльсане, чьё сердце принадлежало ей: по времени, СМС-сообщение было отправлено минутой позже полученного ответа от Идриса. Он был первым, о ком она, оставив сомнения, подумала!

В мыслях Эльсан снова летал меж звёзд и дрался с человеком на длинных ходулях вместо ног. Но даже в воображении не мог его победить. Лишь бился, что было сил.

“Детки, спасти деток...” — охладило его пыл простое понимание. Эльсан срочно стал набирать номер телефона Сергея Головина.

Сергей установил видеонаблюдение и в новом доме, на мысе Ильи. Старшим детям наказал, чтобы, как маму увидели, к ней ни шагу, ему звонили. А толку-то? Что он, успеет приехать со стройки или полицию вызвать? Разве только специального человека нанять, чтоб глаз не отрывал. Да как-то и стыдно! И бред всё — ну, как бы ей голову ни задолбили, любит же она детей-то. Материнский инстинкт...

На мониторах в доме на мысе Ильи можно было вести наблюдение и за окрестностью старого дома, где жила мама с беженцами. Дети, однако же, стали просто торчать у экранов видеонаблюдения, школьные домашние задания забросили. Да и сам он то и дело щёлкал по иконке на экране телефона, включая трансляцию обзоров камер. До смешного! Марк Самуилович заглядывал в камеру, удлиняясь и без того продолговатым лицом, пугался, прятался, видимо, полагая, что всё это происки ЦРУ. Или дядя Петя, не доверяя технике, выходил на улицу, прогуливаясь перед воротами, стараясь как бы незаметно посмотреть туда-сюда.

Так было день, другой, но уже на третий бдительность явно стала угасать. Только Самуилич, который, несмотря на всю имевшуюся за ним слежку, опрометью проходил в ворота, прикрываясь картоном от обувной коробки с соответствующим рисунком. “Ботинок идёт”, — стала говорить Евдокия Семёновна, теряя страх.

Сергей также обнаружил, что детей до дома, держась на расстоянии, провожают дяди в хороших костюмах. И вовсе успокоился: не всегда слежка плохо.

По приезде в Феодосию Эльсан сразу же отправился в Каменку, где, как он знал, живёт та властная женщина, заманившая Лизу в их секту: сколько он ни пытался Лизе доказать, что это секта, а не Ислам, в ответ было каменное молчание и лёгкая надменная усмешка.

Была ли за ним слежка? Должна быть. Он боялся ненароком привести спецслужбы напрямик к Лизе — они её, конечно, схватят, закроют. Или же так же будут идти следом, чтобы выйти на всю сеть.

Маленький Чеченец вышел к крутому берегу. Впереди — море, позади — большой пустырь. Никого. Не следят? Или здесь, где таинственный дом, носящий имя пророка, обращавшего народы в Ислам, аура — зона, куда лишние не проникнут? Похоже, так.

— Не ищи свою тень, — с порога огорошила каркающим голосом его хозяйка в чёрном одеянии.

Он помнил рассказ Сергея, как тот здесь же услышал эти слова: не ищи тень, потому что женщина тень мужчины. И опять, при всей тягости ситуации, сердце лизнуло тепло. Значит, теперь эта вещунья-колдунья считает его мужчиной, тень которого — Лиза! Он вышел обратно. Развернулось такси, рядом, словно поданная карета. И водитель махнул, мол, поехали. Эльсан показал пальцами, мол, тити-мити страдают. “Но хотя бы сколько-то есть?” Сколько-то было. Теперь-то, был уверен Эльсан, это точно подстава, и за рулём опер.

— Ты специально за мной приехал? — напрямик спросил пассажир.

— Выходит, что так, — засмеялся водитель.

— И куда теперь?

— В смысле?

— Ну, куда следуем?

— Куда скажешь, туда и следуем. Ну, в пределах Феодосии, конечно.

Эльсан помолчал.

— Так ты не из... комитета?

— Понял. Тогда везу тебя только до автовокзала, а дальше вали.

Эльсан откинулся на спинку сидения, засмеялся.

— Слушай, а ты едешь, не встречалась, женщина такая в хиджабе, очень красивая, русская?

— Террористка?

— Ну да, террористка.

— Нет, террористка не встречалась. Встречу, что передать?

— Мне звони. Запиши номер.

Деньги у Чеченца, на самом деле, были: доехал до перекрёстка улицы, где жил Сергей Головин и некогда его жена Лиза.

Спрятался за углом, поодаль, стал наблюдать. Всё нереально! Это же надо сутки напролёт здесь дежурить, чтобы застать тот момент, когда появится Лиза. В том, что появится, Эльсан не сомневался. Почти. Да и не успеть ему на своей ноге: если она подъедет на машине, ей потребуются секунды.

Эльсан подошёл ближе. Увидел глазки камер над воротами и под карнизом дома. Значит, и здесь всё понимают, готовятся. Улыбнулся, помахав рукой. И правильно сделал. Евдокия Семёновна уже заметила явно опасного человека. Шутка ли сказать: кавказской национальности. Набрала номер сына:

— Пришёл, вынохивает! Ну, чисто шахид!

Сергей ткнул в “иконку”, открывающую видеонаблюдение за домом.

— Это правильный шахид. Друг. Он и на свадьбе у нас был. Должна помнить.

— Хромого не помню.

— Ну, так... Мы все тогда не хромали.

— А сейчас ты что, хромаешь, что ли? Не наговаривай, шагаешь изда-лека, как фитилёк!

— Вот именно, как фитилёк... Ладно, мам, я ему звоню, парню этому.

Евдокия Семёновна видела, как “шахид” поднёс телефон к уху.

— Господи, это же этот, как его, Ислам Эльсанов?.. Или наоборот — Эльсан Исламов. Фамилия-то...

Сергей радовался поводу поговорить с другом:

— Привет, дружище! Заходи, я скоро подъеду!

— С-с-спасибо. — Эльсан в последнее время почти не заикался. Но услышал старого знакомого — и по старинке запнулся в речи. — Я мимо, гуляю.

— Да понял я всё. Думаешь, она и вправду может..? — Сергей был уверен, что Эльсан ответит: “Нет, никогда!”

Друг помолчал. Слышно было в трубке дыхание.

— Может.

— Но это же немыслимо?! Мать!

— Д-д-другое сознание. Она уверена, что детям там, — произнёс Эльсан слово “там” выпукло, — лучше. Как тебе сказать...

— Понимаю я! А ты тоже так думаешь?

— Что ты?! Н-н-нет! Т-т-то есть, когда время придёт, когда Всевышний призовет... — Он нарочно сказал “Всевышний” — так, чтобы принято было обоими.

— Извини... Подожди, я подъеду сейчас, посидим...

— Нет, нет. Я пойду.

Эльсан вдруг понял, что не здесь надо ждать.

— Д-д-дети в-в школе?

— Думаешь, туда может прийти?

— Не спрашивай. Не знаю, что думать. — Было ясно, что Эльсан просто физически исьяк.

Сергей вспомнил, каким он взглядом смотрел на Лизу в экране смартфона, и наполнился он тогда силами. И любовью. Зачем всё это было нужно ему?! На мониторе видеонаблюдения было видно, как Эльсан улыбнулся, моргнул виновато. Пошёл, западая набок. Так же душу дёрнуло, будто закоротило. Сергей посмотрел на часы — как раз должны окончиться занятия — и поехал к школе. Эльсан ещё не подошёл. Отец усадил детей, оглядываясь по сторонам. Тронулся, и в зеркальце бокового вида увидел, как приближается челночными движениями к школе старый друг, мастер единоборств. И опять засадило сердце — что за человек, зачем всё это ему надо, это же не его дети и не его жена?! Какой-то насквозь православный, хоть и мусульманин. Приостановился. Выходить не стал. Позвонил ещё раз.

— Эльсан, я забрал детей. Младшую из садика встречу.

Видел, как Чеченец развернулся и похромал в другую сторону. Куда?

Эльсан зашёл на рынок. Людное место, на рынке, по обыкновению, часто встречались знакомые. И действительно, тотчас встретил.

Худой и высокий — бывший бомж, только в хорошем костюме, — как воплощённый иблис, штырём возвышался у прилавка, странно покачиваясь. А здоровяк — бывший бандит из девяностых, тоже в костюме — согнувшись, тыкал двузубой вилкой в кусок баранины, как бы кивая головой. Да они пьяны, понял Эльсан и развернулся, было, уйти. Но, как говорится, мастерство не пропьёшь: худой мгновенно бросил на него взгляд.

— Следишь? — вдруг произнёс он.

— Й-ей-я? — Эльсан даже рассмеялся.

— Следи-ишь... Кто дал команду?

— Да вы что?! Эт-то ваша работа — следить.

— У нас выходной. Имеем право, как все люди, — это уже бугай: был крепко под мухой.

— Д-да, конечно.

— По шашлыкчу? Поехали с нами. Ты ж парень свой, мы же всё сечём.

— С-спасибо. Я домой.

— У тебя свой дом здесь?

— Ну да, я думал, вы всё знаете.

— Мы всё и знаем. Сдать надо тебе её... В её же интересах, — бугай держал двурогую большую вилку для сырого мяса перед собой.

— Н-нет.

Тощий и мощный переглянулись, перестав покачиваться.

— А-а, ну его всё к лешему, — тощий улыбнулся, как хороший приятель, — поехали на Песчаную балку. Шашлык пожарим.

— Да он здесь на каждом углу...

— Нет, брат, шашлык — это же процесс!

Бугай выбрал кусок и стал расплачиваться, а худой кинул на плечо Эльсану долгую руку, по-братски.

— Посидим, поговорим. По маленькой.

— Я не пью.

— Да ладно вам, не пьют они!.. Посидим, как люди.

— Вып-пытать хотите? Я ничего н-не знаю.

— Брось ты!.. Мы же тоже люди, и ты человек. Надоело!

А и в самом деле, Эльсан давно ни с кем не разговаривал — все мысли об одном!

На Песчаной балке они выбрали место посвободнее, установили приобретённый на том же рынке одноразовый мангал. Дальше, как повелось: с дровами не заморачивались, древесный уголь, розжиг — плеснул, зажигалку поднёс, и через десять минут можно класть шампуры с мясом. Колдовал у мангала здоровяк. А Эльсан с человеком, вечером походившим на привидение, присели на разложенную одноразовую скатерть. Эльсан усмехнулся, вспомнив, как он остограмливал бомжа и угощал пельменями, искренне полагая, что кормит голодного.

— Тимур, — потянул особист тонкую ладонь с длинными пальцами.

Эльсан пожал в ответ руку. Тимур плеснул в пластиковые стаканы.

— Нет, нет, сейчас время, я должен совершить намаз.

— Хорошо. — Тимур держал стаканчик в руке, не пил. — Какой во всём этом смысл? Можно понять, взорвали кого-то — врага, богача, у которого забрали богатство. Но взрывать себя?! — расплескал он вино, резко разведя руками.

— Я т-также это понять не могу. П-понимаю — несправедливости много. Обмана. Я вот в Россию верил, почти как в Аллаха! А вот пришла Россия — как у нас в Крыму сидели в начальстве воры, т-т-так они и сидят, главное, раньше они Россию поносили, теперь все п-п-п-патриоты!

— И все хохлы! — засмеялся человек-призрак.

— Ладно тебе на хохлов наезжать! Как шашлык жарить, так вы, украинцы, все кулинары, давай, а как... сразу воры.

— Правильно: сало засолить, колбасу сделать, ну и... во всём мастера! Но как начальником стал... хе, хе, хе... Всё “для съёбы”. А уж трепаться...

— Кто из нас больше треплется?

— С кем поведёшься...

Запах жарящейся баранины начинал расплзаться — особый дух, уносящий воображение в степи, где отары и табуны. Вот проблеяли овцы, простучали, сотрясая землю, копыта...

Морской прилив добавил мелодию глубокого вздоха. И медленного выдоха. С волной взгляд ушёл в поднебесье, где загорались пока тусклые звёздочки. И тотчас привычно оттуда, из выси, с беззвучным смехом позвал на бой Идрис. Высокий, как Кощей Бессмертный, всевластный. Эльсан выбросил удар удлиняющейся ногой...

— Ты куда улетел?

— Ч-что?

— Задумался о чём?

— Да так...

— Не думай ты о ней, — сочувственно проговорил Тимур. — Не думай. Она всё равно... уйдёт туда, откуда не возвращаются. Не остановишь.

— Почему?

— Судьба такая. Есть такая порода. Я в Пятигорске практику проходил. Для интереса стал дуэлью Лермонтова заниматься. Кто там у них всё-таки? Мартынов, Лермонтов... Или заказуха? Мальчишки, на самом деле, одному двадцать пять, другому двадцать шесть, июль, природа, на этой их полянке вышить бы, посидеть, а они... Что я понял — он искал смерти, Лермонтов. Понимаешь? Не здесь бы, в другом месте. “Уж не жду от жизни ничего я”... Восемнадцать лет пацану! И пока я эту историю изучал, меня стало потягивать. Так что смотри. Она с этим родилась.

Было время намаза...

Он вернулся к застолью. Мужики сидели у костра и поднимали по маленькой. Эльсан вдруг как-то машинально взял стаканчик и... выпил. Это никуда не годилось — после намаза, пусть и выполненного неправильно, с посторонними мыслями, по существу, не выполненного. Но вот комок этот в груди под горлом растёкся, и даже наоборот, нега пошла, тепло. Жили же когда-то, особо не молились, да разве плохо жили? Как спортсмен,

он никогда много не выпивал, но бывало в праздник, с друзьями рюмочку пропускал. И снова потянулся к наполненному стаканчику...

— “Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше...” — пели складно новые друзья. И Эльсан подпел:

— “Ты услышишь, ты услышишь, как весёлый барабанщик...”

Лица особистов у костра стали просветлёнными, мальчишескими. Права была предводительница женских мстительниц в сирийской пустыне. Они навеки советские люди и ищут свой пионерский рай. Взрослые пьющие пионеры. И ещё по одной... И ещё... Ещё...

— До дома дойдёшь? Или помочь? — толкал его “пионер”, похожий на призрак.

Они были в машине. В такси — цифры на мониторе смартфона, прикреплённого к воздушному отсеку на панели, отсчитывали цену. Такси стояло у калитки его дома. Выходит, друзья позаботились о нём, привезли домой.

— С-с-спасибо.

Он доковылял до калитки, обернулся, помахал парням в машине — хорошие люди на самом-то деле! Люди вообще, в принципе и в большинстве — хорошие! Ему махнули в ответ. Какие порядочные мужики! Машина тронулась с места.

Дом у него был сделан про типу черкесской сакли — невысокий и продолговатый. Саманный — не надо кондиционера, всегда прохладно. Отец его купил, перебравшись не с Кавказа, где родился, а из Казахстана, где встретил маму. СССР.

Ключ в двери не проворачивался. Попробовал дёрнуть — не заперта дверь! Ребята эти, приятели новые, приходили, наверное, шарились, да не закрыли. Вошёл. Квадратик ноутбука светится. И... спокойно так, будто в самой обычной жизни, спит на диване Лиза. Ноги калачиком, сомкнутые ладони под щекой. О, Аллах! А он носится, ищет, и эти с ног сбились, напились от тоски.

Верхняя губа Лизы так по-детски просилась к неге. И чёлка спала на глаза. Эльсан потянулся убрать волосы, освободив её гладкий высокий лоб — чело! Спящая красавица пошевелинулась, свернулась в калачик, как младенец. Он тихо убрал руку и... только теперь заметил на экране компьютера смеющегося лицо. Воплощённый дьявол — иблис! — наблюдал за ними. Он стоял, словно горный орёл, на вершине скалы, в белоснежной кандуре, на этот раз с непокрытой головой, распущенными длинными волосами... Чеченец дёрнулся невольно вперёд, словно надеялся влететь в лоно экрана: волосы Идриса, прежде светлые, были смолянисто-чёрными! И хотя черты лица сохраняли прежние точёные очертания и глаза отливали синевой, перед ним был типичный сын Востока. Эльсан тихо взял ноутбук, перешёл в соседнюю комнату, тщательно закрыв за собой дверь.

— Т-т-ты а-араб?! — сдавленно спросил он.

— Я тот, кого ты хочешь видеть, — прошептал, словно тоже боялся разбудить женщину, изменивший лик Идрис.

— И она видит таким, как ей хочется? — Чеченец перестал заикаться. — Ты голограмма?!

— Как самолёты, которые пронзали башни Торгового центра.

Синеглазый иблис зычно хохотал. Эльсан торопливо убрал звук, глянув на дверь в соседнюю комнату.

— Умоляю, оставь её, кто бы ты ни был! — сложил он ладони перед грудью, переставая понимать, где сон, где явь.

Рано утром слышал, как Лиза совершала намаз. Как и молящаяся женщина, Эльсан не знал арабского, но смысл знал: “...О Живой, о Вечносущий, обращаюсь за защитой к милосердию Твоему, приведи в порядок все мои дела, не доверяй меня душе моей ни на мгновение!...”

Голос ровный, с шестем осенних листьев, катящихся по земле. Ему тоже нужно было свершить обряд, но Эльсан не хотел помешать её обращению к молитве, хотя и было понимание, что обращается она, скорее всего,

к этому, из вездесущего интернета. Он украдкой посмотрел в приоткрытую дверь — нет, все она делала как положено, глядя в сторону Мекки. Ноутбук лежал рядом.

Закончив молитву, Лиза быстро сняла с себя длинное платье. Эльсан стыдливо отпрянул, но, подождав мгновение, снова склонился к прорези дверного проёма. Он никогда не видел её обнаженной или в нижнем белье, и теперь такая возможность представилась. Любимая женщина в просвечивающей ночной сорочке прилаживала между выпуклой грудью с крупными зонтиками сосков и плавно расходящимися бёдрами пластид. Пояс шахида!

Эльсан выскочил из своего укрытия:

— Н-н-нет! Н-н-нет!

— Подсматриваешь? Как не стыдно, — произнесла тоном учителя.

— Н-не б-будет этого!

— Отвернись, я оденусь. — Лизы стыдливо прикрыла себя платьем.

— С-ними, с-ними вот это! — прокричал он.

Она стояла, вся сжавшись. Он отвернулся. По шороху понял, что Лиза оделась:

— Искушение хуже, чем убийство, — произнесла она, как приговор.

— Это тебя *этот* научил?!

— Это Пророк Мухаммед сказал. — Она резко направилась к выходу.

Эльсан был без протеза, подкочил к ней на одной ноге, схватил за плечо. Лиза с поворота с силой толкнула его и побежала. Он упал навзничь, резко вскочил, стал прилаживать протез. Так, вприскок, вприскок выбежал во двор.

Она — тень в чёрном — садилась в такси. Да, с тем самым водителем, который привёз его из Каменки. Значит, всё было изначально подстроено, была слежка. Только, увы, не полиции, а этих уродов “идрисов”!

Он надёжнее пристегнул протез. Взял телефон — что же, выхода нет, надо звонить операм, Тимуру и второму, как его? Они на здоровых ногах, пусть работают! Уж, было, набрал номер, и рука замерла. Ведь это же Лизе конец, возьмут с пластидом, тюрьма надолго. Нет! Зазвонил его телефон. Опер Тимуру как подслушал его желание.

— Как голова? Похмелиться не хочешь? Мы тут пивком отходим...

— Н-н-нет, не надо, с-спасибо! — когда надо быстро, всегда, как заедает. Эльсан спешно нажал кнопку завершения. А вот про Голову — Головина — напомнил опер вовремя.

Набрал номер Сергея. Занято, как обычно у этих предпринимателей. Снова раздался звонок — таксист, тот, из Каменки, который увёз Лизу. Правильно, они же обменялись номерами.

— Слушай, ты просил сообщить, если я увижу эту, в парандже.

— В х-хиджабе.

— Ну да. Короче, я её высадил на Адмиральском бульваре.

— М-можешь мигом за мной?!

— Куда?

— Где её забирал.

— Пять минут.

Эльсан в нетерпении ходил туда-сюда, по три шага. Адмиральский бульвар, там и школа. Откликнулся Сергей, наконец.

— Я в дороге, в Симферополь еду по делам.

— К-как-кие дела?! Она к ш-к-к-к...

— Разворачиваюсь. Через часик буду.

— К-какой часик?..

— Понял. Звоню заму.

Серый набрал Олега. Долгие гудки. Ещё раз — ноль! Маме! Нет, с ума сойдёт, и без толку. Выскочил номер Марка Самуиловича.

— Марк Самуилович, у меня просьба!

— Серёжа! Чрезвычайно рад! Что тебе необходимо знать! Опыты по чипированию свиней наглядно показывают, что вскоре можно будет считывать на компьютер мысли человека! Это не детектор лжи...

— Марк Самуилович, умоляю, идите к школе на Адмиральском бульваре, там Лиза. Задержите её! Любими путями! Расскажите ей о чипе!

— Всенепременно!

— Быстрее! Бегом!

Поехал, резко затормозил. Набрал Лёню — полицию.

Когда Эльсан подъехал к Адмиральской площади, у ворот школы резко затормозили две машины с сиренами и мигалками. Один полицейский бегом отправился в здание, ещё несколько человек стали устанавливать оградительные сооружения с лентой.

Лизы нигде не было видно. Эльсан крутил головой, поспешил на аллею, где деревья и кусты. Не было. Или уже в школе?

— Друг мой, друг мой, — раздался рядом необыкновенно радостный голос. — Вы-то должны понимать, что такое чипирование?!

В нему приближался сосед Сергея, как его, Самуилыч, кажется.

— Чипирование свиней показало, насколько этот метод может быть эффективен для любого живого существа, в том числе или в первую очередь для человека!

Стал вертеться перед глазами, мешая смотреть.

— Вы понимаете важность моей мысли?!

— Да, да, — закивал деликатный Эльсан.

— Человека можно зомбировать, а зверя нельзя...

— И-извините, — к школе приближалась Серёжина мама с детьми.

— Можно только чипировать. Но если чипировать человека, можно создать полностью...

— Д-да...

Эльсан сделал обманное движение, ускользая от крупного мыслителя, и рванулся, скорее припрыгивая, чем шагая, к детям с бабушкой.

— Лиза, Лизанька! — раздалось позади восторженное восклицание.

Самуилыч бежал к аллее. Как мираж среди общей мельтешни, меж деревьев спокойно шла живая тень — Лиза.

Чеченец мгновение соображал: куда ему? К детям! Перекрыл им путь, раскинув руки. Девчонки поняли дело так, что дядя Эльсан с ними играет, смеясь, стали обегать его.

— Д-держите их! — крикнул он бабушке. — Там она!

Вместе они сгребли детей в объятия.

— Мама! Мама! — стали рваться из рук девочки.

Теперь все видели, как приближается женщина в чёрном.

— Не подходить, не подходить! — особист Тимур держал её на мушке пистолета, рука не тряслась.

Но Самуилыч был уже рядом. Раскинув руки, словно защищая, он радовался встрече:

— Лизонька, только вы меня можете понять! Они не понимают, что матегинская плата мигового интегнета находится в там, в Амегике, где хотя чипировать челове...

Увидев детей, мать остановилась. И вдруг рванулась вперёд. Но Самуилыч теперь уже раскидывал руки иначе,вширь.

— Лиза, Лизонька, я понял. Мне тоже часто этого хочется. Не надо... Это гьех..

Она стояла теперь, подобно замершему миражу. Смотрела во все свои большие глаза. Эльсан вряд ли мог разглядеть, но ясно видел, как набухла слеза и покатилась по щеке. Что она поняла? Жалость стояла в глазах, страшная жалость.

— Отойди, дед, отойди! — истошно кричал полицейский.

Женщина в чёрном — оживший мираж — резко оттолкнула человека перед собой. Раздался хлопок. И снова, будто мираж, образовалась дымка.словно и не было здесь человека, женщины в чёрном. Дымчатое облако стало подниматься к вершине деревьев, растворяясь в воздухе.

И в ней, дымке, Эльсан увидел ещё одно облачко, другого цвета и формы — извилистое и синеватое. Это облачко, как водоросль, поднялось над деревьями и там уже, в общей синеве, исчезло.

А на тротуаре остался лежать человек. Люди окружили окровавленное тело, полицейский пощупал пульс, хотя и так было понятно, что Марк Самуилович погиб.

Эльсан ещё раз посмотрел вверх, куда улетело извилистое облачко, думая, чья же это была душа? Лизы или Марка Самуиловича? Ведь он видел только одно облачко.

Все дружеским советом думали, где и под какими символами хоронить Марка Самуиловича. Вряд ли он мог быть крещёным, имел ли хотя бы по рождению отношение к иудаизму? Ясно одно: он был советским человеком, сохранившим в целости и бережливости партийный билет. Как и отец Сергея. Но памятник Павла Валерьевича венчал крест. Самуильчу после споров решили поставить пятиконечную звезду, как это прежде делали усопшим военным. Тем более нашлась совершенно неожиданная фотография, где старый еврей предстал молоденьким сержантом в танкистском шлеме, восседающим на башне БТР. Была ещё и другая подходящая фотография — Марк Самуилович за редакторским столом в зрелые годы. Чинный костюм, точёный лик, острый взор. В это время он был ещё и депутатом городского совета. Головины склонились в сторону танкиста — с памятника смотрел в овальной оправе паренёк той советской характерной наружности, когда весь облик полон целеустремлённости, ответственности, веры в несомненное светлое будущее.

Также неожиданно обнаружилось, что у погибшего есть дочь. Жила она в той самой Америке, в которой её отец видел корень мирового зла. Правда, на Аляске, существующей, скорее, по старороссийским порядкам, нежели по штатовским. Ей сообщили, и она прилетела с сыном лет девяти, очень похожим на фото танкиста.

— У меня было счастливое детство, — горевала она. Среднего роста, точёная, мягкая молодая женщина, называвшаяся “Ласка”. — Папа был очень уважаемым человеком. Когда к нам в город приезжали знаменитости, они приходили к нам в гости. Я помню, как лет в пять я сидела на коленях у Игоря Талькова...

Разбираясь в документах бывшего редактора-коммуниста, Сергею пришлось удивиться: Марк Самуилович был не таким уж стариком по возрасту, как казался. Шестьдесят один год.

Вина лежала на Сергее Головине — ведь это он позвонил Самуильчу и, выходя, послал на смерть.

— Иначе погибли бы дети, — утешал его Эльсан.

Он так говорил, хотя сам был уверен, что Лиза бы не сделала шага дальше, чем она сделала. Он помнил её глаза, словно приблизившиеся к нему. Взгляд опрокинутого человека.

Ловил себя Эльсан на том странном чувстве, что он скорбит по Самуиловичу, но не жалеет о Лизе: она словно отпустила его, ушла, обретя то, что искала. Сергей тоже признался в подобном чувстве:

— Стыдно сказать, — постучал себя в грудь.

Останки Лизы тоже предали земле. И опять встал вопрос, как хоронить: под полумесяцем?

— Не была она м-мусульманкой, — размышлял Эльсан. — Это же т-театр. С-трашный театр п-перед... — с языка просилось “перед этим”, но сказал: — с-собой.

— Ну, “вся жизнь — театр”, — улыбнулась Ласка: один в один, как Самуильч на молодом фото.

— Любовь это. Полюбила она, — прощая всё, подытожил Сергей.

Батюшка отпел её в Иверской, заявив, что Лиза не самоубийца, а жертва войны. Памятник поставили без символики, с высеченными буквами имени и фотографией. Ту, из поезда, когда они знакомились: она смотрела на него во все глаза и плыла навстречу...

Дети стояли вокруг могилки. Не плакали.

Эльсан весь ушёл в тренерскую работу. Девчонки Головиных, кроме Ярославы, занимались у него, был на подходе и Пашка. Сестрёнки брали его в зал, опускали почти до пола грушу, и мальчуган орудовал ногами и руками почём зря! “Дитя Крымской весны!” — шуткой говорил про сына Сергей.

Глава большого семейства заезжал за детьми, наблюдал занятия и удивлялся: тренер произносил самые простые поучения: “Сила нужна, но побеждает характер”, “Победа важна, но не любой ценой. Достоинство дороже”. Но теперь эти старые, казалось бы, занесенные истины произносил человек, который жил в полном соответствии со своим словом. Дети смотрели на своего тренера с верой и осязаемым желанием жить вот так, достойно, проявляя настойчивый сильный характер. За глаза ученики называли Эльсана — Эльсана Цехиловича Исламова — великим гуру. А мир для Сергея теперь во многом открывался глазами дочек и сына: самому по себе ему было малоинтересно куда-то сходить, где-то побывать — на экскурсию, в кино, даже на море, — а с детьми, когда он вёл их и показывал что-то, этот интерес возникал тройне! Поэтому здесь, в бойцовском зале, когда он видел дочек в белых кимоно в ряду других детей, сына Пашку, тоже вдруг замершего во внимании к тренеру, Головин подтягивался внутренне и наливался жаждой жизни.

Юношеская команда, воспитанная Эльсаном, стала заметной в Крыму. Некоторых бойцов отобрали в сборную, и теперь они должны были представлять республику в России.

Успехи дочек были разными: Виктория, которая годы всерьёз занималась художественной гимнастикой, достигла звания КМС, была очень перспективна. Но заявила, что дальше в спорте только “для себя”. Званий и разрядов не надо. Тернер принимал и такой подход к делу. У Селины были хорошие данные, но пока ещё по возрасту её не допускали да соревнования единоборцев. Только сдавала на пояса и нашивки. А вот Алёнка, также начинавшая в гимнастике, очень крепкая и подвижная, набирала от соревнования к соревнованию и попала в детскую сборную Крыма. Сергеем льстило, что тренер оставлял её с лучшими, и уж они летали по залу, как воплощённые ниндзя.

Ярослава же, как и Оля, потерявшая маму в Донбассе, скромно от боевых искусств отказались. Оля там, у бабушки Дуси, была помощницей и по огороду, и на кухне, и в кружок ходила рукоделья. А Ярослава — и нянькой главной для Пашки, и по дому, не хуже матери, хозяйка, и как мальчишка в гараже рядом с Сергеем, которого звала “папочка”, и на стройку за ним увязывалась.

Уж давно все друзья приставали: когда на новоселье позовёшь? Сергей отмахивался, отшучивался: ремонт, говорят, можно начать, но завершить невозможно. Тем более строительство своего дома. Недоделок оставалось много, и план не до конца воплощён. Но из Донецка приехал Илья “Шолом” за дочерью: он уже не рассказывал сказки про работу якобы в Ростове. Не скрывал: был ополченцем, а теперь просто армейский офицер.

— У нас сейчас не сказать, чтобы совсем тихо. Но жить можно. Учиться. Дочь должна быть с отцом.

Пётр Николаевич переступил с ноги на ногу. Хмыкнул, посмотрел на Евдокию Семёновну.

— С ними охота? — помогла с решением вопроса она.

— Дык... — дядя Петя сделал невнятные жесты руками.

— “Дык”, дык”, понятно, что “дык”. Родное, оно родное и есть, — сказала Евдокия.

— Дык, может, все вместе. Оля тоже к тебе привыкла. То ли за бабушку ей, то ли за маму.

Оля бросилась к Евдокии Семёновне, обняла. И та прижала девочку-подростка к себе.

— В гости приехать — приеду. И здесь — всегда ваш дом. А так, жизнь заново начинать уж не будем. У меня здесь сын, внуки. Могилка Пашина. У вас там своё. Свои могилки. Да сейчас ведь чего, интернеты, “скайпы” всякие, включил да поговорил. Повидался, можно сказать. У меня в мозгах всё это ещё сказка, а для них — будто так и было!

И вот теперь Сергей решил приурочить отвальную к новоселью. Оно так срослось, что и поминки приходились на этот срок: Павлу Валерьевичу пять, Марку Самуиловичу и Лизе по три — они же все как-то к осени подгадали. Оно вроде неправильно — всё до кучи, но иначе не получается!

С этого Олежаек и начал, как чувствовал:

— Мы собрались отпраздновать новоселье, но получается, что должны и помянуть тех, кто мог быть с нами и кого нет. Мы собрались проводить друзей, которые стали нам как родные, но опять мы должны помянуть, потому что к нам этих людей привела кончина близких. А поэтому я предлагаю первый тост поднять за Крым, потому что будь всё по-старому — я говорю о тех ещё временах, советских, — Павел Валерьевич был бы сейчас известным учёным, работал бы ещё всюю. Ведь этот камень у него — он растопырил пальцы перед животом, — от переживаний. Не ушёл бы Марк Самуилович, не пришлось бы ему, коммуняке, бежать с Украины. И его дочь, — кивнул он на Алёну-Ласку, — никуда бы не уехала. Этот раскол и раздрай погубил близких дяди Пети и Ильи. Особняком стоит Лиза, — Олег глянул на Аришу, но та поторопилась кивнуть, мол, продолжай. — В экстремисты уходят сейчас по всему миру, но причина всё та же — подмена понятий. У нас, крымчан, смысл очевиден. Не стану точно формулировать, здесь каждый должен сказать себе сам. За наш правильный выбор! Отец Серафим...

Все поднялись. Батюшка, похожий на Лао-цзы, как его рисуют, мягким нежным голосом прочитал “Отце наш”, перекрестился и поднял бокал. Народ за столом уже потянулся чокаться, но Олег, взявший на себя роль тамады, простёр властно руку:

— Будем политкорректными, друзья, — и развернул ладонь к Эльсану.

— Д-да выпивайте, я помолился уже, мысленно... — прижал руку к груди Чеченец.

— И всё-таки...

— Бисмилля! — У него в бокале была явно вода.

— И теперь, дружно!

Умел он поднять и без того высокий тонус: земля, кажется, под столом подпрыгнула. Вилки и ложки жадно потянулись к блюдам, загребая салаты и нарезки. Но не тут-то было.

Тамада дал слово гостю, который отъезжает с семейством, можно сказать, на передовую, где люди, герои, защищают не только свою землю, но и, по существу, право быть собой в мире.

Илья Шолом поднялся. Худощавый, смуглый, очень мускулистый.

— Спасибо, — голос дрожал, — Евдокия Семёновна! Сергей Павлович! Все, все, все! Слов нет! Уезжать от вас неохота!..

— Так и не уезжай, — поднялся Сергей. — Работа найдётся. — Кивнул на своего заместителя по строительству Олега. — Нам люди с душой нужны.

— Погоди, — заулыбался Илья. — Обычно говорят, люди с руками нужны?

— А я что сказал?

— С душой.

Сергей рассмеялся:

— Ну, всё правильно сказал. Вот нечаянно так сказал, хотел именно про руки, а вышло — вернее.

“Шолом” помолчал. Продолжительно посмотрел на дочь Олю. Тихая застенчивая девочка мелко заморгала, знать, подкатил без слёз комок к горлу: ей и здесь остаться хотелось, где появились родные, подруги, и туда хотелось, где была мама, бабушка, пусть они уже и неживые. Где был свой дом, пусть уже его и нет. Туда хотелось больше.

— Заманчиво, — произнёс воин. — Но душа пока там. Раз уж про душу. Поучиться у вас — другое дело. Война — работа тяжёлая. Но работа — не война.

Сам собой назрел и третий тост, когда не чокаются.

— За тех, кто уже не с нами, — сказал тамада Олег.

— Кто не вернулся, — добавил Илья.

Помолчали. Выпили.

— С новосельем! — опередил тамаду звонким голосом гаишник Лёня. Здоровенный, по объёму — за двух человек, он уже явно истомился перед тарелкой, всё никак не вправе приступить к еде.

Его дружно поддержали.

— Исторически... — поднялся тамада Олег.

— Всё! — со смехом кричал Лёня. — Как старший по званию, увольняю с роли тамады. Что мы, грузины, что ли?

— Ну, извини, — вступилась за мужа жена Олега. — Уж кто-кто, а грузины за столом себе умеют праздник устраивать!

— Да я разве против, мне тоже нравится, когда у них. Традиция, театр! А нам сценариев не надо. Каждый пусть пьёт, говорит, что хочет и с кем хочет! Мы же русские люди, Эльсан, я правильно говорю?! Распахни-ись, душа-а!

Чуть не опрокинул он весь ряд, сидящих по обе стороны от него за столом. Так и случилось: все стали есть, выпивать, говорить, разбившись на группы.

— Знаешь, в чём разница между хохлом и украинцем? — над общим гомоном взвизывался высокий голос гаишника Лёни. — Украинец живёт на Украине. А хохол — там, где лучше! — он делал паузу. — Я вот хохол — и живу там, где лучше! В России!

Хохот и чоканье. Стихия.

Эльсан, понятно, не выпивал, и Сергею казалось, что ему скучно.

— Что ты всё в телефоне сидишь?! — заметил это гаишник. — Как тинейджер какой!

— У меня же ребята на России. Мы отдыхаем, а они — б-бьются.

— Ребята у него! — встряла и Ариша. — У меня дочь там, я ничего, что будет, то будет.

— У вас — дочь, — обратился Эльсан к ней и Сергею. — А у меня, — заикаться он почти теперь не заикался, лишь когда очень волновался, — ж-ж-жизнь!

Ариша аж прослезилась:

— Что мы пристаём к человеку, смотри, можешь вообще телевизор включить, он у нас от интернета. Там, поди, всё есть.

Эльсан, действительно, исчез из-за стола. Но переместился не к телевизору. А собрал детвору и во дворе устроил тренировку. Так что гости и хозяйева переместились на террасу и стали смотреть, восклицая: “Ну, красавцы! Вот и встреться с ними в узком переулке!”

— Есть! Есть! — скоро вскричал гаишник Лёня. Он, впрочем, уже не был гаишником, а был директором стадиона: — Эльсан, у тебя две медали на России! “Бронза” и “золото”!

— Кто, кто?!

— У Алёнки твоей “бронза”. “Золото” у какого-то...

Такой гвалт поднялся, рукоплескания и восклицания, что разобрать имени было невозможно. Да это и неважно, вот он стоял, главный победитель, посреди двора, обвешанный восторженными детьми. “Великий гуру” плакал. Старый его друг Сергей Головин был уверен, что в эти минуты Эльсан Исламов видел себя, как в юношеской мечте, на высшей ступени пьедестала почёта под реющим над головой алым флагом СССР.

— А ты почему не там, не с ними, на соревнованиях? — звенел гигант гаишник, ныне директор стадиона.

— Я же не тренер сборной.

— За Чеченца! — восстанавливал справедливость Лёня.

Эльсан мелко замахал руками, низко склонив голову, прошёл, прихрамывая, к столу, неожиданно поднял бокал, пусть и с водой. С трудом выговорил:

— За Россию.

Все понимали — сказанное было выстрадано. И нельзя так сразу просто взять и выпить.

*От Крыма — до Енисея
Леса, косогоры да степи,
Рассея, моя Рассея!.. —*

Пронзительным высоким тенором, какой часто встречается у крупных людей, запел Лёня, отстукивая барабанным сопровождением по краю стола.

— Рассея! — подхватывали дружно все за столом: — От Крыма до Енисея!

— Мелко плаваете! — вдруг обнаруживал зычный голос дядя Петя. — Я на Сахалине служил, это от Енисея почти ещё столько же! За матушку Русь!

Леонид когда-то играл и пел на дискотеках, а соло-гитаристом был нынешний батюшка с лицом вечного Лао-цзы. Жестами он попросил у хозяина инструмент. Сергей послал Вику, и та, как всегда никуда не торопясь, не забывая о манерах, отправилась, было, но Ариша не выдержала: “Мы её до утра не дождёмся!” — и сбежала сама.

*От Крыма — до Сахалина
Рос-сия — Едина! —*

Импровизировал кумир крымских дискотек образца 90-х.

И гитара в руках батюшки — лохматого барда тех же лет — звучала звывающими переливами. Сергей, да и все старые друзья, знали, что играет он через боль: у него была врождённая болезнь конечностей, отчего и пришлось бросить музыку, которой он занимался профессионально. Сначала пел в храме, а потом и стал батюшкой. Иногда, с близкими друзьями, снова брал в руки инструмент.

Гости так и расходились, напевая: “От Крыма — до Сахалина...”. Девчонки плакали, вырывая друг у друга глазастую Олю, уезжающую туда, где война. Оля в ответ кротко улыбалась: слёзы она привыкла укрощать, когда пришлось покинуть родной дом. Маленький Пашка вертелся рядом, пока девочка сама к нему присела, обняла.

— И чему ты уезжаешь? — вместо “почему” он упрямо продолжал говорить “ичему”.

Дочери вернулись в дом, помогать маме с уборкой. А сын Пашка вдруг побежал по пустырю. В свете фонаря одиноко “шагал” шар — большой, сердечком, с растопыренными руками. Он уже был обмякшим, помятым, но еще держался в воздухе, грузно так, то приподнимался, то приземлялся: шагал!.. Сынишка подбежал к нему, и Сергей думал, что сейчас под дуновением шар отлетит, и ему придётся гоняться. Нет, “рукастое сердце” безвольно остановилось, зацепившись верёвочкой, привязанной к острому окончанию, о камень на земле. “Он будет моим другом”, — оповестил сын. У него выходило: “...двугом”. Отец кивнул с пониманием: действительно, вокруг мальчишки стая девчонок-сестрёнок, а друга-мальчишки не было! Сын притащил “друга” за верёвочку, передал отцу, наказав стеречь. Сам же сделал ещё пару кругов, останавливаясь и оглядывая пространство, видно, боясь, что у друга могут оказаться неприятели.

— Он может улететь! — закричал Пашка, едва отец опустил “поводья”. — Я же сказал, смотри, его могут унести! — Ну, главнокомандующий! — А ты можешь его надуть? — завершил свои бдительные вылазки сын.

— Надуть я могу, но тогда он не полетит совсем. Потому что внутри его специальный газ. А вот если принести его домой, я включу подогрев пола в прихожей, то газ нагреется, и тогда он может надуться.

Сын, который прежде явно не торопился в дом, тут же направился к воротам. Большой помятый шар как-то изнуренно тянулся за ним. Какой ни есть, но “друг”.

Сергей снова, как детстве и юности, стал читать книжки: сначала исключительно из-за детей — как их иначе оторвать от смартфонов? Только на собственном примере. А потом втянулся: по ящику-то всё одно смотреть нечего. Запомнилось у какого-то современного автора, что женщина куражится перед мужчиной — заводит его, чтоб шибче жалил. Как не запомнить?

Ну, вот, всё хорошо, праздник удался! Дружно убрали со стола, даже Виктория участвовала: носила тарелки, не забывая царственно поводить подбородком и оттягивать носочек. Мама Ариша, напевая, ополаскивала, подавала посуду Селинке и Ярославе, которые старательно укладывали тарелки и приборы в посудомойку. Пашка чем-то ходил и чем-то гремел. Полная идиллия... Так, моментом жулькнет сердце чувство вины: он счастлив, а Лизы, которую брал когда-то в жены, а значит, нёс за неё ответственность, нет на белом свете! Что ж делать?!

— Кто развязал ручки ящиков?! — вдруг взвилась жена, будто грозил обрыв жизни.

Пока старшие занимались грязной посудой, сын вытащил из нижних ящиков кухонных шкафов сковородки и разбросал по полу.

— Я, — ответил муж.

— Я же тебя просила завязывать, если развязал!

Сергей не стал объяснять, что доставать посуду при связанных между собой ручках шкафов неудобно, он и развязал, когда требовалось расставить на столе.

— Это я специально, чтобы у тебя был повод поворчать, — сдержанно улыбнулся он.

— А то у меня таких поводов нет?!

— Да откуда? Я же веду себя практически идеально!

— А Лиза на тебя не ворчала?

Сергей помолчал: Лиза, зная, “приходила” не только к нему, являлась она и Арише.

— Да, Лиза никогда не ворчала. — Не мог он лукавить.

— Ага, она была выше этого! Само совершенство! Что ты мне про неё всё вспоминаешь?! Давай я сейчас буду рассказывать, какой у меня Петер был хороший! Красавец, супермен!

— Да ты же сама меня спросила про неё! — сорвался в крик и Сергей.

И жена сразу снизила обороты, словно этого и добивалась: вывести мужика из равновесия.

— Мало ли что спросила, а слышать не хочу!

— Мама, ну, что ты к папе опять?! Папа! — встала перед ним заступница Ярослава.

В возникшей вдруг бессловесной паузе странно прозвучал ровный голос меньшей из девочек:

— Мама всё любит с перчиком. — Селинка звала Аришу мамой.

Взрослые остолбенели. И закатились смехом. А старшие посмотрели на младшую сестру, явно что-то для себя открывая.

Сергея поманило прижать к себе Селину в умилении, но знал: тотчас обидятся старшие.

— Лучше нашей мамы не бывает! — обнял он жену.

— Давай Пашку быстрее укладывай, — в нетерпении шепнула та.

Папа сидел у кровати сына, рассказывал ему сказку. Про репку, которую не могли вытянуть дед, бабка, внучка, Жучка и кошка, а мышка пришла — и вы-ытянули репку! Он лишь немножко делал добавление в сюжет, говорил, что мышка была хоть и маленькая, но занималась спортом, хорошо кушала и вовремя ложилась спать. И оттого, что маленькая мышка всё это делала и хорошо спала, она была очень сильной. Поэтому и смогла вытянуть репку. И медведь сильный потому, что всю зиму в берлоге крепко спит. Мальчуган слушал, ему хотелось быть сильным.

— Папа, — сказал вдумчиво сын, — я тебя о-очень, очень сильно люблю.

Паша не первый раз это говорил отцу. И Сергея поражало: так не говорила ни одна из дочерей, хотя тоже любили папу. Откуда в крепком рослом мальчике в три с небольшим года такая тяга к любви? Он погладил сыночка по головке.

— Папа, — вдруг сказал сын с тревогой. — А ичemu ты никогда не говоришь, сто любис меня. Ты сто, меня не любис?

Сердце оборвалось. Да ведь он, похоже, никому этого не говорил. Ни дочкам, ни женщинам, ни родителям. Во взгляде, в развороте головы и плеч сына, ну, точно, прорисовался дед, Павел Валерьевич с его благородством и спокойной выправкой сановного человека. Сергей отца не то, что любил, — жизнь по нему выверял и выверяет. Но никогда не говорил об этом — это было как-то само собой разумеющимся. А жена, Евдокия Семёновна, которую отец звал “Черёмушка”, много ли признавалась мужу в любви? В молодости трепетала перед ним: бывало, приберётся в квартире, всё блестит, а отец наклонится над столом, чтобы ответы были видны, и тоном грозного генерала: “Ефрейтор Головина, почему разводы на плацу?!” А к старости как-то взяла верх, строила мужа, всё более похожего на глыбу, затягивающуюся илом.

— Очень тебя люблю, сыночек, очень! — подумал и добавил ещё раз: — Очень люблю.

Посидел рядом. Молча. Пашка и заснул. Свернулся так, руки под щёку, и личико в свете луны блаженное.

Разогнав детвору по постелям, мужчина и женщина вышли на балкон, как любили это делать вечерами. Отсюда, с открытого балкона дома на высоком берегу, открывались морская ширь и небесная звёздная высь. Отблески луны на тёмной воде, далёкий свет идущего наперерез мгле судна, полоска метеорита, словно закатившегося в море. И обязательно ползущий медленно по небу космический спутник. Один, другой... На балконе стоял круглый столик, кресла из плетёной лозы, можно было посидеть, попить чаю или вина. А можно было и просто постоять, обнявшись, когда обостряется чувство родственности, сращенности и становится осязаемым собственное присутствие в этом бесконечном пространстве. Так, вместе с домом, где спали их детки, они словно плыли по небесам. “Вших, вших”, — нагоняло море волну. Вдруг — свет фонаря, там, внизу, под высоким обрывистым берегом, с которого в его детстве, когда на мысе Ильи была запретная зона, могли полосонуть из автомата. А они, мальчишки, всё равно бегали сюда, дабы поймать особо вкусных запретных крабов! Так и сейчас, уже без риска шли ловцы с фонарём — и на свет во тьме вод крабы и моллюски сами выползали из укрытий — только умей схватить, чтоб не цапнул, и в ведро, прибавляя улов!

На мысе Ильи, в самом его клоунике, был Маяк. Дом Головиных находился в другой стороне, ближе к Двужорной бухте. На крыше Сергей устроил прожектор с вращающимся механизмом. Щёлкал тумблером, и Маяком становился их дом. Мощный луч пробивал в ночи округлый коридор, делая обозримыми морскую волну, плывущее судно, островок Иван-баба, и угасал в небесной дали. Отгороженные этим световым занавесом, муж и жена, многодетные родители, как подростки, добравшиеся до взрослого счастья, ещё теснее припадали друг к другу.